

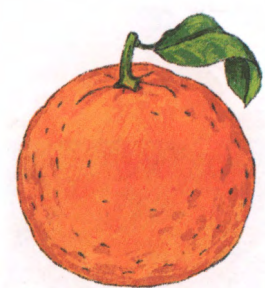
84(3)
Δ 45

Кейт ДиКамилло

БЕВЕРЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

КЕЙТ
ДИКАМИЛЛО
«Книги объединяют»

Кейт ДиКамилло

БЕВЕРЛИ

ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Повесть

Перевод с английского
Ольги Варшавер

Иллюстрации
Ольги Салль

Москва
«Махаон»

УДК 821.111(73)-3-93

ББК 84(7Coe)

Д44

Kate DiCamillo

BEVERLY, RIGHT HERE

Published by arrangement with Walker Books Limited London SE1 I 5HJ

Text © 2019 Kate DiCamillo

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, transmitted or stored in an information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic or mechanical, including photocopying, taping and recording, without prior written permission from the publisher.

ДиКамилло К.

Д44

Беве́рли отпра́вляется в пу́ть : повесть / Кейт ДиКами́лло ; пер. с англ. О. Варшавер ; худож. О. Салль. — М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2021. — 160 с. : ил.

ISBN 978-5-389-16630-1 (рус.)

ISBN 978-1-4063-9070-4 (амер.)

Четырнадцатилетняя Беве́рли Тапи́нски уже убежала из дома. Но в этот раз она уходит, чтобы больше не возвращаться — матери нет до неё никакого дела, а любимый пёс Дружок умер. Это книга о взрослении, о трепетной первой любви, о том, как незнакомые люди приходят на помощь в трудной ситуации...

УДК 821.111(73)-3-93

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-389-16630-1 (рус.)

ISBN 978-1-4063-9070-4 (амер.)

© Ольга Варшавер, перевод на русский язык, 2021

© Салль О.М., иллюстрации, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Machaon®

Посвящается Андреа Томпа

Дружок умер, и Беверли его похоронила. Похоронила и зашагала к озеру Клара — не по дороге, а напрямик, через апельсиновые рощи. На Палметто-лейн она увидела перед тёткиным домом своего двоюродного братца, Джо Трэвиса Джоя.

Джо было девятнадцать лет. Этот обладатель рыжей шевелюры, куцей рыжей бородки и рыжего автомобильчика «камаро» работал кровельщиком где-то в Тамарай-Бич.

Беверли братец не шибко нравился.

— Привет, — сказал Джо, заметив Беверли.

— Я думала, ты в Тамарай переехал.

— Переехал. Просто мать навещаю.

— Когда назад?

— Сейчас.

Беверли подумала: «Дружок умер, мой пёс умер, мне тут делать нечего. Я тут не останусь. Никто не заставит меня остаться».

И она уехала. Без оглядки.

* * *

— Зачем тебе в Тамарай? — спросил Джо. — У тебя там друзья?

Они неслись по шоссе в рыжем «камаро».

Беверли не ответила. Она смотрела на тролля с зелёными патлами, который болтался под зеркалом заднего вида. Смотрела и думала, что тролль ужасно похож на Джо, только волосы не того цвета и бороды нет. Да и посимпатичнее он, чем её братец.

Джо Трэвис спросил:

— Тебе нравится трио «ZZ Top»?

Беве́рли пожала плечами.

— Сигарету хочешь?

— Нет.

— Твоё дело...

Джо закурил, и Беве́рли тут же открутила вниз окошко.

— Эй, ты чего? — сказал Джо Трэвис. — У меня ж кондей включён.

Беве́рли повернулась носом к потоку жаркого воздуха, залетавшего снаружи. И промолчала.

Весь путь до Тамарай-Бич они проехали с открытым окном и шпарившим на полную мощь кондиционером. Джо выкурил шесть сигарет и съел упаковку вяленой говядины. Когда он не курил и не жевал, он постукивал пальцами по рулю.

Маленький тролль раскачивался как бешеный — его крутили горячие струи из окна и холодные из щелей кондиционера. На морде лица — идиотская улыбочка.

Кстати, почему тролли всегда улыбаются?

У любого тролля, который когда-либо попадался Беве́рли, был рот до ушей, причём без всякой уважительной причины.

На въезде в город Беве́рли сказала:

— Высади меня где-нибудь... в любом месте.

— Куда тебе надо-то? — спросил Джо. — Я довезу.

— Никуда не надо. Просто останови, я выйду.

— Чего скрытничаешь? Просто скажи, куда ехать, доставлю в лучшем виде.

— Не надо.

— Чёрт! — Джо Трэвис хлопнул рукой по рулю. — Ну ещё бы! Мы все тебе не чета, мелкая сошка. Вечно воображаешь.

— Даже не думаю.

— И мамаша твоя такая же, — сказал Джо Трэвис.

— Ха.

— Зря ты нос задираешь, — сказал Джо Трэвис. — И она зря. Вы ничем не лучше других. Плевать я хотел, сколько конкурсов красоты выиграла твоя мамаша в молодости. — Он ударил по тормозам и съехал на обочину. — Выметайся!

— Спасибо, что подвёз, — сказала Беверли.

— Обойдусь без «спасибо».

— Как хочешь... спасибо всё же.

Она с треском захлопнула дверцу «камаро» и зашагала по шоссе A1A в обратном направлении, прочь от Джо Трэвиса Джоя.

Было жарко.

Жаркий август 1979 года.

Беверли Тапински недавно исполнилось четырнадцать лет.

2

Из дома она сбегала не единожды, но то было давно, в детстве.

На этот раз она не сбежала. Нет. Она ушла из дома.

Ушла.

Беверли шагала по обочине шоссе A1A. Старые шлёпанцы, не предназначенные для долгой ходьбы, месили пыль. Ноги начали ныть. Мимо, обдавая её волнами металлического воздуха, проносились машины.

Беверли остановилась возле указателя: стрелка и розовый морской конёк. Он улыбался и раздувал пухлые щёчки. Из рта у него вылетало множество мелких пузырьков, а следом плыл один большой пузырь, на котором было написано: «У МОРСКОГО КОНЬКА. Фургонный городок».

За указателем начиналась дорожка из дроблёного ракушечника, она вела к фургонам и трейлерам. Перед розовым трейлером стояла старушка со шлангом и поливала понурые от жары цветы.

Заметив Беверли, она помахала:

— Привет, привет!

— Угу. Привет, — пробурчала Беверли и пошла дальше, глядя на свои ноги. — Привет, — сказала она им. — Привет.

Она найдёт работу. Да, она найдёт работу.

Это сложно? Где её ищут, работу эту? Ведь Джо Трэвис нашёл.

За фургонами с розовым морским коньком оказался мотель «Приморский», а дальше — ресторан «МОРЕЧКО».

Под названием была вторая вывеска: «МОРЕЧКО ЖДЁТ ТЕБЯ К ОБЕДУ! НАКОРМИМ РЫБОЙ НА ЛЮБОЙ ВКУС!»

Беверли рыбу ненавидела.

Она прошла через асфальтированную парковку, почти совсем пустую, и толкнула дверь ресторана.

Внутри было прохладно и темно. Пахло каким-то жиром. И рыбой.

— Одна есть будешь? — спросила девушка с копной светлых волос и биркой «Фредди» на груди.

Слева, из темноты, доносился гул машин, стрельба, скрежет тормозов — явно кто-то резался в видеоигру.

— Я работу ищу, — сказала Беверли.

— Здесь? — Фредди удивилась.

— Здесь есть какая-нибудь работа?

— Мистер Денби! — крикнула Фредди. — Тут работу ищут. Почему-то у нас...

Справа, за спиной Фредди, виднелся зал с синими стульями, синими скатертями на столах и большим окном на океан. Яркое такое помещение, а синева вообще пронзительная, аж глаза режет.

Внезапно Беверли вспомнила, что Дружок умер.

И зачем только вспомнила?

— Забудь, — произнесла она вслух.

— Что забудь? — спросила Фредди. — Ладно, мы всё равно скоро закроемся. У нас ведь только обеды, по вечерам не работаем. — И она снова закричала: — Мистер Денби! Эй, мистер Денби! — Она утомлённо закатила глаза. — Я тут целый день одна кручусь.

Фредди скрылась в тёмном коридоре и через минуту вернулась. За ней шёл усатый мужчина. На лбу — красная отметина, на шее — гигантский галстук с крошечными жёлтыми рыбками.

— Это мистер Денби, — сказала Фредди. — Он спал. Представляешь? Мистер Денби моргнул.

— Прямо за столом! Уткнулся лбом в конторскую книгу и задрях, — сказала Фредди. — Храпел даже.

— Не храпел я, — сказал мистер Денби. — Даже не спал. Глаза должны отдыхать. В документах всё мелко, глаза болят. Фредди говорит, ты работу ищешь?

— Да, — ответила Беверли.

— Нам вообще-то нужны руки, столы убирать. Ну что, давай интервью проведём, при приёме на работу полагается...

— Как тебя зовут? — спросила Фредди.

— Беверли.

— Так и запишу, мистер Денби, — сказала Фредди.

— Куда запишешь? — Мистер Денби потёр красную отметину на лбу.

— Первая буква «Б», я верно расслышала? — спросила Фредди.

— Верно, — кивнула Беверли.

Видеоигру, судя по писку, заело.

— Следуй за мной, — велел мистер Денби и скрылся в коридоре.

Следуй? Вот уж до чего она не охотница, так это следовать за... да за кем угодно.

Но Дружок умер.

Так что без разницы.

Теперь ничего не важно.

Ничего.

Она последовала за мистером Денби.

3

В кабинете пахло рыбой и табаком. Дымом. Запахи висели над большим столом и тремя металлическими стеллажами с ящиками. Стол был завален бумагами. На одной из кип, что поровнее, стоял настольный вентилятор.

— Здесь много работы. — Мистер Денби махнул рукой в сторону стола. — Сама видишь.

Беверли кивнула.

— Поэтому мне нужен человек с установкой на результат, — сказал мистер Денби. — Не просто абы что поделать.

Он протянул руку и включил вентилятор. Верхний слой бумаг мгновенно сдуло на пол.

— Ну? — спросил мистер Денби. — Понимаешь, о чём я толкую?

Он выключил вентилятор и переставил его на пол. Бумаги затрепетали и вздохнули. Мистер Денби уселся за стол. Сцепил пальцы.

— Садись. — Он кивнул на оранжевый пластиковый стул.

Беверли села.

Взгляд мистера Денби сосредоточился на ней:

— Давай разбираться. Ты прежде-то в ресторане работала?

— Нет.

— А рыбу любишь?

— Не особенно.

Мистер Денби вздохнул.

— У меня трое детей, — сказал он. — Три девочки. В Пенсильвании живут. С матерью.

Беверли кивнула.

— Это трагедия. Иметь детей — трагедия. Скажут, что счастье, — не верь. — Он уставился на свои сплетённые пальцы. — Вот заводишь ты детей. И сразу хочешь их защитить, уберечь. А как — непонятно. И это с ума сводит. Натурально слетаешь с катушек. Ночью спать не можешь.

— Угу. — Беверли согласилась, но подумала, что вряд ли её мать хоть раз не спала ночью, страдая, что не может её, Беверли, защитить.

— Сколько тебе лет? — спросил мистер Денби.

— Шестнадцать.

Мистер Денби уткнулся лбом в стол. А потом поднял голову и посмотрел на неё.

— Шестнадцать, — повторил он, снова опуская голову. — Ужасно.

В кабинет вошла Фредди. Мистер Денби вскинулся:

— Фредди, а тебе сколько лет?

— Вы опять за своё? — возмутилась Фредди. — Я уже школу окончила. И по подиуму прошлась. И всё такое. Вообще-то неприлично спрашивать дам про возраст. Это хамство. Держи.

С этими словами она передала Беверли большую бирку с надписью «ЗАПЛЫВАЙТЕ В МОРЕЧКО», а чуть ниже, на цветной лентелипучке белели буквы: Б Е В Е Р И Л.

— Ух ты, — сказала Беверли. — Большое спасибо.

— Я на таких бирках руку набила, люблю это дело, — сказала Фредди. — Плюс мне нравится использовать эту машинку. Она вроде колеса. Крутишь, находишь правильную букву, сильно надавливаешь и — бац! — появляется буква. Прямо как по волшебству.

Мистер Денби произнёс:

— Маргаритка, Алиска и Энни. Так моих девочек зовут. Однажды одна из них пойдёт в ресторан и наврёт какому-то мужику, прибавит себе годы. В том-то и ужас. Но что делать? Что я могу поделаться? Просто надо работать. И всех кормить. Приходи завтра. Можешь начинать.

Фредди напряглась:

— Но она ведь не официантка?

— Нет, Фредди, официантка тут ты. Она будет посуду убирать. Ты когда-нибудь убирала со столов, Беверли-Энн?

— Нет, — ответила Беверли. — И меня зовут Беверли. Просто Беверли.

— Ну да, — согласился мистер Денби.

— Столы убирать — дело нехитрое, — утешила её Фредди. — Любой сможет. Тут и учиться не надо.

— Это хорошо, — отозвалась Беверли.

— Только у нас тут скука, — сказала Фредди. — Так что выбери себе мечту и живи ею. А на работе скукотища и тоска.

— Никто не обещал, что будет весело, — проворчал мистер Денби. — Это рыбный ресторан. Не развлекательный парк.

— Сама знаю, — сказала Фредди. — Но предупредить-то её надо?

— До свидания, Фредди, — сказал мистер Денби.

— Поняла про мечту? — Фредди распахнула глаза пошире. — Срочно заведи мечту.

— До свидания, Фредди, — повторил мистер Денби и встал. Беверли тоже встала.

— Спасибо, — сказала она. — Если я вас правильно поняла.

— Конечно. — Мистер Денби протянул ей руку.

Беверли её пожала.

— Приходи завтра в десять, — сказал мистер Денби. — Тут много дел. И договорчик нам с тобой надо подписать, формы всякие заполнить.

— Не бойся, — сказала Фредди, когда они вышли из кабинета. — Он эти формы ни в жисть не найдёт. Он тут ничегошеньки найти не может. До конца жизни будешь работать без договора — ни одной формы не заполнишь.

— Я не собираюсь здесь работать до конца жизни, — сказала Беверли.

— Ха-ха, — отозвалась Фредди. — Блажен, кто верует. Расскажи эту шутку на кухне, Чарльзу и Дорис. Срочно заводи мечту, иначе навсегда тут застрянешь.

Беверли открыла дверь.

Солнце сияло так ярко — почти сбивало с ног.

4

Что ж, работа есть.

Но настроение нисколько не улучшилось.

Она шла по шоссе A1A. И старалась не оглядываться, потому что раньше за ней всегда бежал Дружок, а теперь не бежал. Впереди, за рыбным рестораном, виднелась телефонная будка. Она посверкивала-поблёскивала на солнце. У Беверли мелькнула идиотская мысль: надо позвонить Дружку.

Дружок.

Кто же звонит собаке?

Кто же звонит умершей собаке?

Беверли подошла к телефонной будке, толкнула дверь и вошла внутрь, словно в тесную раскалённую духовку.

И плотно закрыла дверь.

Мать сняла трубку сразу. И похоже, была не слишком пьяна.

— Это я, — сказала Беверли.

— Где ты?

— Неважно.

Она услышала щелчок зажигалки. Услышала, как мать вдохнула.

— Я просто хотела предупредить, что со мной всё в порядке, — сказала Беверли.

— В порядке? Ты для этого позвонила? Чтобы сказать, что с тобой всё в порядке?

— Да.

— Прэлэстно. — Мать хихикнула. — С тобой всё в порядке.

Беверли прислонилась виском к стеклу будки.

— Я нашла работу, — сказала она.

— На работу устроиться — раз плюнуть, — ответила мать. — Я никогда без работы не сидела — и что толку? Где ты?

Беверли промолчала.

— Ладно. Можешь не говорить.

— Я просто хотела предупредить, что со мной всё в порядке, — повторила Беверли.

И повесила трубку.

Она закрыла глаза. Так и стояла, прижавшись виском к горячему стеклу. Слышала гул машин на шоссе A1A. А ещё вдали неумолчно, неустанно рокотал океан.

По её лицу стекал пот.

Глаза она не открывала долго-долго. А когда открыла и подняла голову, увидела наверху на стекле слова. И прочитала их вслух:

— «В скрюченном домишке у скрюченного моря».

Похоже на начало какой-то сказки.

В скрюченном домишке у скрюченного моря...

Она протянула руку, дотронулась до букв. Их процарапали на стекле чем-то острым.

Беверли подумала о Райми. О своей самой близкой подруге Райми.

Райми бы эти слова понравились.

Но Райми — верная, надёжная, которая никогда не подведёт и не предаст — сейчас далеко. Нет её тут...

Она осталась там, в прежней жизни.

Там, где могила Дружка.

Беверли медленно провела пальцем по буквам. Скрюченное море?
Глупость какая.

Она отвела взгляд от слов, открыла дверь и снова пошла по шоссе
А1А, только в обратном направлении.

Миновала ресторанчик «Моречко».

Миновала мотель «Приморский».

Подошла к «Морскому коньку». Та старушка по-прежнему стояла
перед своим розовым трейлером. По-прежнему поливала свои дурац-
кие цветы.

Увидев Беверли, она помахала и крикнула:

— Привет-привет!

Словно кукушка, которая выскакивает из часов каждый час или
каждые полчаса и выкрикивает своё глупое «ку-ку».

Беверли вздохнула. Свернула на тропинку из дроблёного ракушеч-
ника и направилась к розовому трейлеру.

Зачем? Она не знала.

— Привет, — произнесла она, подойдя ближе.

А потом, оказавшись ещё ближе, повторила:

— Привет.

5

— Погоди, шланг отключу, — сказала старушка. — Тогда и гостей
принимать можно.

— Я не в гости, — возразила Беверли.

— Ну погоди же! — Старушка наклонилась и попробовала отклю-
чить воду. — Да что ж такое... — проворчала она. — С этим артритом
пальцы вообще не гнутся.

— Давайте сделаю, — сказала Беверли. — Отойдите.

Старушка встала, и Беверли легко повернула вентиль.

— Вот и умница! — Старушка захлопала в ладоши. — Проще простого.

Она улыбнулась. Лицо всё в морщинах, на переносице огромные очки — глаза за стёклами тоже казались огромными. Она посмотрела на Беверли. Поморгала.

— Так. — Старушка снова моргнула. Она была похожа на совёнка. — Ты чья же будешь?

— Вы о чём?

— Семья есть?

Беверли пожала плечами.

— У тебя нет родственников?

Беверли снова пожала плечами.

Ну, Джо Трэвис Джой, наверное, родня. И все тётки и сёстры по маминой линии. И дядя.

Ну и мать, конечно.

Хотя Беверли не ощущала, что мать имеет к ней хоть какое-то отношение.

По идее, существовал и отец, только он ушёл, когда ей было семь лет.

У неё есть собака. Раньше была. И друзья.

В сущности, одна подруга — Райми.

Другая подруга, Луизиана, уехала. Она теперь живёт в Джорджии.

Эх... Люди просто исчезают из жизни.

— У меня нет родственников, — сказала Беверли.

Она уставилась на старушку. Волосы у неё какие-то... скрюченные. Или это парик?

— Родственники есть у всех, — сказала старушка очень торжественно.

Беверли проголодалась. И устала. И вообще неплохо бы есть.

Ей казалось, что позади долгий путь.

Хотя Тамарай-Бич не так уж далеко от Листера.

Жаль, она не уехала дальше.

— Послушай... — Старушка смотрела на Беверли. В её очках отсвечивало закатное солнце. — Ты ведь голодная, верно? Хочешь есть?

— Да, — сказала Беверли. Есть хотелось ужасно.

Мир притих. Никаких звуков, кроме рокота и ворчания океана.

Вот бы океан тоже заткнулся, хоть на пару минут.

— Так как тебя зовут? — спросила старушка.

Беверли вдруг увидела у себя в руке бирку из рыбного ресторана. И протянула её, словно в доказательство.

— Что это? — Старушка наклонилась, прищурилась. — Бе-ве... рил? — прочитала она. — Тебя так зовут? Беверил?

— Беверли. Я теперь там работаю.

— В «Моречке»?

— Да.

— Вот и славно. Хотя рыбу они там ужаривают вусмерть, зубы сломаешь. Меня Иола зовут. Иола Дженкинс.

— Понятно.

— Позволь, спрошу тебя кое-что, Бе-ве-рил?

— Беверли.

— Да знаю я. Просто шучу. А теперь вопрос. Ты машину умеешь водить?

— Умею.

— Вот и славно. — Иола откашлялась. — Тогда ещё вопрос. Ты в бинго любишь играть?

— В бинго? — Беверли растерялась.

— В лото. С бочонками, — пояснила Иола. — Ладно, не бери в голову. Пойдём-ка в трейлер, я тебе бутерброд сделаю.

Беверли сунула бирку с именем в карман джинсов и поднялась следом за Иолой по кривой деревянной лестнице.

В скрюченном домишке у скрюченного моря...

— Ты ведь не против тунца? — спросила Иола, не оглядываясь.

Да что ж такое?! Везде рыба!

— Конечно, не против, — ответила Беверли.

— Вот и славно, — сказала Иола. — Сделаю тебе горячий бутерброд с тунцом. Пальчики оближешь.

— Спасибо, — сказала Беверли. — Оближу. С удовольствием.

6

— Затык у меня. С «понтиаком», — сказала Иола, когда Беверли уже сидела напротив неё за крошечным столиком в крошечной кухне. — Я обещала детям, что больше за руль не сяду. Даже бумагу какую-то подписала.

— Договор? — уточнила Беверли.

— Вроде того.

Беверли откусила бутерброд. Он, конечно, с рыбой, никуда не денешься. Но вкусно. Иола поджарила хлеб и расплавила поверх тунца сыр. Тёплый бутерброд...

Она почувствовала, что вот-вот заплачет. Почему-то. Откусила ещё.

— Да, я подписала договор, — продолжила Иола. — Именно так. Меня Томми заставил, Томми-младший, в честь отца назвали. Он юрист. Он заставил меня подписать, и в договоре сказано, что я ни при каких обстоятельствах не сяду за руль «понтиака» до... дальнейших распоряжений. Или уведомлений. До чего-то дальнейшего.

— Почему? — спросила Беверли.

— Почему «что»? — Иола заморгала. Вблизи её совиные глаза казались ещё больше и круглее.

— Почему он заставил вас подписать эту бумагу?

— Ай, ерунда. — Иола махнула рукой. — На постном масле. Я немножко перепутала: поехала вперёд, а надо было назад. В итоге въехала носом «понтиака» в «Страховое общество Бликера». Пару кирпичей сбила, всего-то пару-тройку, — а шуму! Можно подумать, что я всё здание насквозь протаранила и оно рухнуло. И чего всполошились? Страховщики постоянно имеют дело с авариями. А это даже аварией не назовёшь. Разве это авария — несколько кирпичей? От силы десять! И передок «понтиака» немного помялся. Машина-то на ходу! Это замечательная машина, ездит как новенькая! Но я теперь не могу на ней ездить, потому что обещала. И как жить? Я же практически всю жизнь за рулём.

— Я — с четвёртого класса, — сказала Беверли.

— С четвёртого класса? — Иола заморгала часто-часто.

— Меня дядя научил. Мать вечно пьяная была, вот он и решил, что мне полезно научиться водить.

— Ради всего святого! — Иола всплеснула руками.

Беверли пожала плечами:

— Короче, давно вожу. Уверенно.

— «Понтиак» очень большой, — сказала Иола. — Это большая машина.

— Неважно, какого размера ваша дурацкая машина, — сказала Беверли. — Я справлюсь.

Когда Беверли поела, они вышли на улицу.

«Понтиак» стоял под навесом — огромный, оливкового цвета, с вдрызг разбитым передком.

— А вы уверены, что машина исправна? — спросила Беверли.

— Ещё как исправна! И вот что я тебе скажу: я просто сяду за руль, заведу мотор и поеду. Прямоком в Дом ветеранов. Подумаешь — договор! Плевать я хотела на их договор! Я детей моих с превеликой радостью надую. Сколько раз они мне ввали, пока росли?.. Но... если честно... Страшно. Боюсь опять напортачить. Ноги-руки уже не те... — Иола вздохнула. — В общем, что-то я себе не очень доверяю...

— Давайте ключи, — сказала Беверли.

Иола поднялась в трейлер и вернулась с ключами и чёрной дамской сумочкой. Беверли села на водительское место, а Иола — на пассажирское.

«Понтиак» завёлся сразу. Беверли сдала задом и выехала из-под навеса.

— Ого! Ты хорошо назад едешь, — сказала Иола.

— И впере́д тоже, — сказала Беверли.

«Понтиак» аккуратно выехал по ракушечной дорожке на шоссе А1А.

Беверли улыбнулась и посмотрела на Иолу. Старушка тоже улыбалась. Её чёрная сумочка покачивалась на коленях.

Беверли поехала быстрее.

— О боже! — Иола вцепилась в сумочку обеими руками. — Ты права-то уже получила?

— Конечно, — ответила Беверли.

Ей оставался всего год до ученических прав. Так что какие-никакие права у неё скоро будут. Ученические тоже сгодятся.

Она нажала на газ посильнее. И они понеслись.

Об этом Беверли и мечтала — всегда мечтала. Убежать. Уехать. Как можно быстрее. Как можно дальше.

Стряхнув земные грубые оковы, танцую в небесах...

Строка из стихотворения, которое они учили наизусть в школе.

Беверли не считала это стихотворение особо великим, но слова про грубые оковы ей нравились. Главное — ей нравилось, что их можно стряхнуть. Эти слова имели для неё смысл.

Иола кхекнула. Беверли подумала, что сейчас старушка потребует ехать помедленнее.

Вместо этого Иола спросила:

— Ты чья, дитя?

— Ничья, — ответила Беверли.

— Так не бывает, не верю, — сказала Иола.

— Но это правда.

— А живёшь где?

— Не ваше дело.

А где она, собственно, живёт? Беверли пока об этом вообще не задумывалась.

— Моё, моё это дело. — Иола ничуть не обиделась. — Старым людям до всего есть дело. А давай заключим сделку?

— Не хочу никаких сделок, — сказала Беверли.

— Сделка очень простая: можешь жить у меня. Будешь возить меня в Дом ветеранов, в лото играть. И в магазин за продуктами. Мы будем помогать друг другу, пока ты не надумаешь вернуться туда, где твой настоящий дом.

— Вы же меня совсем не знаете, — сказала Беверли.

— Не знаю, — подтвердила Иола.

— А вдруг я преступница?

— А ты преступница?

Беверли пожала плечами.

— Мой муж всегда говорил, что я лохушка и зря доверяю всем подряд. «Иола, тебе сам дьявол всучит бальные туфли, а ты наденешь и — в пляс!»

— Почему вдруг дьявол будет продавать обувь? — спросила Беверли.

— Дьявол занимается всякой чепухой. На то он и дьявол. Но людям всё же приходится полагаться на свои инстинкты, интуицию, да? Как можно жить и не доверять друг другу? Согласна?

Беверли могла назвать кучу причин не доверять друг другу.

Люди друг друга бросают — чем не причина? Люди притворяются, что ты им нужен, а на самом деле это не так — чем не причина?

Собаки умирают, и их приходится хоронить. Чем не причина? Может, даже самая главная.

— Живи у меня. — Иола протянула руку и похлопала Беверли по локтю. — Будем друг другу помогать. Будем друг другу доверять.

Они притормозили у киоска под названием «Сладости песочного замка» и купили по шоколадно-молочному коктейлю, потом ещё покатались и вернулись в фургонный городок «У морского конька» под вечер, когда всё вокруг уже окутал лиловый сумрак.

Иола выдала Беверли ночную рубашку — с розовыми цветочками и кружевным воротничком.

Беверли решила, что скорее умрёт, чем такое наденет.

А потом надела.

За один день она напринимала кучу сомнительных решений: нялась на работу в рыбный ресторан, съела бутерброд с тунцом, надела ночную рубашку в цветочек.

— В джин умеешь играть? — спросила Иола.

— Конечно, — ответила Беверли.

Они вышли на заднее, закрытое, крылечко трейлера — вроде террасы. Там оказались плетёный диван, плетёное кресло и стеклянный столик.

Иола поставила на стол миску с арахисом и сдала двойную колоду.

— На проигрыш не обижаюсь, я не настолько стара, — сказала она. — Так что не жалей меня, выигрывай.

— Выиграю, если получится, — отозвалась Беверли.

Совсем стемнело. Щёлкнул уличный фонарь, и терраса превратилась в жёлтый остров во тьме.

Беверли подумала: «Я ушла из дома, чтобы надеть ночную рубашку в цветочек, жить в трейлере и играть в карты со старушкой. Тупо».

Но место, где она жила раньше, не было настоящим домом. Никогда.

Тем не менее именно там похоронен Дружок — под апельсиновыми деревьями на заднем дворе. Беверли рыла могилу, а слёзы лились

сами. Она плакала и клялась себе, что вот сейчас, сейчас перестанет и больше никогда уже не заплачет.

Она закидывала пса землёй, закрывала от мира, отсылала в путь без себя — ничего труднее и страшнее ей не доводилось делать в этой жизни.

Райми в тот день была рядом с ней, на заднем дворе. Она тоже кидала комья земли на тело Дружка.

— Дружочек, Дружок, Дружище, — повторяла Райми, плача. — Как же мы без тебя? Ты же «Пёс наших сердец». Тебя так называла Луизиана, помнишь? Как мы без тебя?

Беверли не знала ответа. И злилась на Райми за сам вопрос.

— Надо прочитать какие-нибудь стихи, — предложила Райми, когда они забросали Дружка землёй.

Стихи? При чём тут стихи?

Но Беверли произнесла слова, которые знала, которые выучила в школе:

Страхнув земные грубые оковы, танцую в небесах...

Потом Райми ушла вся в слезах, а Беверли направилась к озеру Клара и каким-то образом оказалась здесь.

— О чём думаешь? — спросила Иола.

— Ни о чём.

— Твоя очередь, — сказала Иола.

Беверли вытянула карту.

— Смотри-ка! — воскликнула Иола. — Нас почтило его величество, король Сон.

На крыльцо вышел толстый серый кот. Посмотрел налево, затем направо, а потом с разбегу запрыгнул на колени Беверли.

— Ты подумай! — воскликнула Иола. — Сон вообще-то людей не любит. Только кошек. Раньше тут жили Жмурка и Моргалка, но обе померли. Теперь Сон остался совсем один.

— Я не люблю кошек, — сказала Беверли и попыталась спихнуть кота с коленей, но он уходить не пожелал. И заурчал.

— Слышишь? — сказала Иола. — Нет, ты слышишь?! Урчит, как счастливый мотор. Словно ждал тебя всю жизнь.

— Ага, — поневоле согласилась Беверли.

Пока они играли, Сон лежал на коленях у Беверли, а прямо перед её победой вскочил и, задрвав хвост, покинул крыльцо.

Иола встала:

— Будем считать, что это и есть твоя комната. Вся терраса в твоём распоряжении. Сейчас принесу постельное белье.

Вернулась она с простынями в цветочек, наволочкой в цветочек, жёлтым полотенцем и мочалкой. Она расправила одну простыню и, встряхнув, принялась расстилать.

— Я умею стелить, — сказала Беверли.

Иола подоткнула края простыни под диванные подушки:

— Не сомневаюсь, что ты всё умеешь, дорогая. Но сейчас я о тебе позабочусь.

Приготовив постель, Иола выключила свет и, уходя с террасы, сказала:

— Спокойной ночи. Сладких снов без клопов. И не забудь: завтра едем в Дом ветеранов, в лото играть.

— Жду не дождусь! — бодро сказала Беверли.

Она легла на диван. Натянула верхнюю простыню до подбородка. Простыня пахла мылом.

Ночные жуки со стуком тыкались в жалюзи. Океан мерно дышал: вдох, выдох...

Дружок лежал в земле.

А Беверли была здесь. В Тамарай-Бич. В скрюченном домишке у скрюченного моря. В ночной рубашке в цветочек.

Она напишет Райми. Да, точно, завтра же.

Утром она попросит у Иолы лист бумаги, конверт и марку и напишет Райми — расскажет ей о рыбном ресторанчике и о словах в телефонной будке. О «понтиаке» с разбитым передком. Об Иоле и коте по имени Сон.

Расскажет, что тоже не знает, как они будут жить без Дружка. Что тоже не понимает, как они вообще выживут.

Уже совсем засыпая, Беверли увидела могилу Дружка, её чёрную пустоту. А потом, посреди ночи, она проснулась, потому что над ней стояла Иола. Без очков. И без парика. С каким-то пухом на голове. Она была похожа на цыплёнка. Она постояла у дивана в полумраке, а потом исчезла.

Ещё позже пришёл кот: свернулся в изголовье, почти на голове у Беверли, и заурчал.

— Уйди! — Беверли толкнула его, но он лишь громко мурлыкнул.

Где-то снаружи заверещал сверчок.

Кот урчал. Сверчок верещал. Океан ворчал.

— Ёшкин кот, — сказала Беверли.

Она больше не прогоняла кота. Она сдалась.

8

Утром Иола пожарила для Беверли глазунью. Сделала тост, разрешила его пополам и намазала маслом. Беверли смотрела на синюю тарелку с тостом и яичницей и думала: «Ничего не выйдет. Вы не заставите меня остаться».

Она уже собралась произнести эти слова вслух, чтобы Иола услышала и поняла, что Беверли не останется, как вдруг Иола сказала:

— Ты помнишь, что сегодня лото в Доме ветеранов?

— Вы мне уже говорили, — ответила Беверли.

— Просто напоминаю. Там играют на деньги. Азартная игра! Можно целых пятьдесят долларов выиграть.

— Ничего себе, — сказала Беверли.

Сон сидел спиной к ним на холодильнике. Хвост его свисал вниз и покачивался взад-вперёд, как маятник. Кот пристально смотрел на стену.

— Зачем вы приходили ночью на террасу? — спросила Беверли. — И стояли надо мной...

— Я не стояла над тобой, дорогая, — сказала Иола.

— Стояли.

— Тебе приснилось.

— Не приснилось.

Сон спрыгнул с холодильника и забрался на стол.

— Брысь! — Иола махнула рукой, но кот и усом не повёл. Сидел, уставившись на Беверли и её яичницу.

По радио играли скорбную оркестровую вариацию какой-то песни группы «Битлз».

— Послушай, — сказала Иола и села за стол напротив Беверли. — Почему мы с тобой не доверяем друг другу, как договаривались?

— Я не договаривалась, — сказала Беверли.

— Но не доверять ты тоже не договаривалась. — Иола улыбнулась.

Больше они это обсуждать не стали.

Беверли надела одежду, в которой приехала. Прикрепила на рубашку бирку с именем.

Иола сказала:

— Удачи тебе, Бе-ве-рил!

И, оставив позади фургонный городок «У морского конька», Беверли направилась по дроблёным ракушкам к шоссе A1A, миновала мотель «Приморский», прошла через парковку «Моречка» и потянула ручку двери.

Дверь была заперта.

Пришлось долго стучать. Наконец дверь приоткрылась и выглянула Фредди.

— Мы пока закрыты, — сказала она, но тут же опомнилась: — А-а, это ты. Я и забыла. — Она прищурилась. — Чего это ты во вчерашнем прикиде?

— Это не прикид, — сказала Беверли. — Ну и что, если во вчерашнем?

Мистер Денби вышел из кабинета. В галстук — в другом, но тоже огромном. С одной синей рыбиной.

Мистер Денби наставил палец на Беверли:

— Я тебя знаю?

— Вы её наняли, — подсказала Фредди. — Вчера. Столы убирать. Подавать не будет, только убирать. И она одежду не меняет, а это фу-фу-фу.

Мистер Денби щёлкнул пальцами:

— Ты Беверли-Энн!

— Верно, — согласилась Беверли. — Я Беверли-Энн.

— Давай-ка раздобудем тебе фартук, — сказал мистер Денби.

Фартук оказался длинным и зелёным. С большой буквой «М». Мистер Денби надел его на Беверли через голову и завязал сзади. При этом он тихонько похмыкивал, а губы разжимал, чтобы коротко выдохнуть, обдав её запахом зубной пасты и рыбы.

— Вот, готово. — Мистер Денби похлопал Беверли по плечу. — Фредди покажет, где взять тряпки и всё прочее. А я пойду, позвоню моим девочкам, пожелаю им хорошего понедельника.

— Вторник уже, — заметила Фредди.

— Спасибо, Фредди, — сказал мистер Денби. И ушёл в кабинет.

— Значит, так. — Фредди повернулась и посмотрела на Беверли в упор. — Я обслуживаю столики, а ты собираешь с них грязную посуду, складываешь в ведро, несёшь это ведро на кухню и отдаёшь Чарльзу. Он моет посуду. Кроме того, ты иногда доливаешь в стаканы воды, если клиенты всё или почти всё выпили. Это несложно. Правда, парню, который тут работал до тебя, оказалось не по зубам. Как же его звали?.. Уже не помню.

— Ясно, — сказала Беверли.

— Слушай, — продолжила Фредди. — Официанткой я только подрабатываю, а по-настоящему работаю моделью в знаменитом агентстве «Клезмит», оно правда известное, его все знают. Пока на нижнем белье специализируюсь, но скоро мне доверят одежду, а оттуда прямая дорога в Голливуд — как только режиссер увидит моё фото в журнале. Короче, вечно я официанткой не буду, так что у тебя есть шанс меня сменить.

Беверли уставилась на Фредди.

— Что? — спросила Фредди. — Не веришь?

— Ты выходишь на сцену в нижнем белье?

Фредди сощурилась и ответила вопросом на вопрос:

— У тебя есть заветная мечта?

— Нету.

— В этом твоя ошибка, — сказала Фредди. — Мыслишь одноколейно, впереди тупик. Надо мыслить широко, многопланово. Тогда не упустить свой шанс.

— Согласна, — сказала Беверли. — Где ведро? Куда посуду складывать? Фредди вздохнула.

— Иди за мной.

Они прошли через столовую с синими стульями, синими скатертями и окном, глядящим на синий океан. За распашной дверью оказалась кухня.

— Вот. Это кухня. А это Чарльз, — сказала Фредди, кивнув на невысокого, плечистого мужчину в зелёной вязаной шапке.

— Привет. — Чарльз взглянул на Беверли и тут же уставился в пол.

— Чарльз был самым крутым футболистом колледжа, — сказала Фредди. — Но потом случился какой-то облом, так?

— Порвал сухожилие. — Чарльз не поднимал глаз.

— Да, верно, — продолжила Фредди. — Он порвал сухожилие, и теперь моет посуду, и будет мыть её всю жизнь, если не сменит своё одноколейное тупиковое мышление на что-то более приличное. Ну, я тебе уже всё объяснила.

— Чарльз не просто моет посуду, — сказала седая женщина, стоявшая у плиты. — Он тут много всего делает. Он незаменим. Я без него как без рук. А на поле он ещё выйдет. Верно, Чарльз?

— Верно, — сказал Чарльз. — Если получится.

— Это Дорис. Повариха наша. Она готовит рыбу, поэтому считает, что она тут главная. — Фредди состроила гримаску. — Ладно. Короче. Чарльз и Дорис, это Беверли. Она будет убирать столы.

Дорис посмотрела в глаза Беверли. Беверли не отвела взгляда.

— Беверли, — произнесла Дорис нараспев.

— Да, — сказала Беверли.

— У меня так тётку звали. Беверли. Повариха от бога. Умная старуха, всегда в корень смотрела. Ты тоже будь умной. Эта кукла Барби тебе наврёт с три короба. А ты не поддавайся.

— Не врала я ей, ни словечка! — возразила Фредди. — Я вообще всегда правду говорю.

— И чаевыми пусть с тобой делится, не забывает, — сказала Дорис. — Здесь должно быть хоть какое-то равенство. Всё по-честному.

Дорис снова повернулась к плите. Плита была из нержавеющей стали, как и раковина, и стол, и столешницы, и гигантский холодильник, в который можно было войти, как в комнату. Всё на кухне сияло приглушённым серебристым светом. И Дорис стояла у плиты в белом платье и белых туфлях, словно королева, словно всё это — её королевство.

Задняя дверь на кухню была открыта и подперта куском цемента, чтобы не закрывалась. Снаружи шёл горячий воздух, а прямо за дверью стояла чайка и глядела на них, наклоня голову то вправо, то влево.

Дорис махнула полотенцем и крикнула:

— Кыш!

Чайка захлопала крыльями. Вспорхнула было, но тут же опустилась на прежнее место и уставилась на людей.

— Ладно, короче, — сказала Фредди. — Вот ведра для грязной посуды. Ты поняла: собираешь посуду со столов, складываешь в ведро, приносишь сюда, и Чарльз её моет. Так и устроена наша работа. Ничего сложного.

— Да. — Чарльз взглянул на Дорис. — Полагаю.

— Правильно полагаешь, — подхватила Дорис. — По идее, всё так. Только идея — одно, а наши зарплаты — другое. За гроши работаем. Но пока работаем. — И вдруг, даже не обернувшись, Дорис закричала: — Убирайся отсюда!

Беве́рли не поняла, к кому она обращается.

Зато чайка поняла. Она подняла оба крыла, словно собралась взлететь. Открыла клюв. И снова закрыла.

А потом сложила крылья и осталась на месте.

И вот народ хлынул на обед. Дети вопили и кидались рыбными палочками. Потом, не доев, вскакивали и устремлялись в тёмный закуток с видеоиграми.

Пинг-сиу-сиу-бряк-пинг-пинг. И непрерывные взрывы.

Родители этих детей сидели в синей столовой и неотрывно, словно околдованные, смотрели на океан.

Беверли переходила от стола к столу: собирала грязные тарелки и складывала в ведро. Потом несла ведро на кухню и отдавала Чарльзу, а тот забирал ведро, качал головой и каждый раз говорил:

— Конца не видно. Не видно конца.

Постепенно люди начали расплываться, и тарелки начали расплываться, и шум, и сигаретный дым — всё стало размытым, как в тумане, как во сне. Шумный туманный сон.

В некотором смысле это было неплохо, потому что в голове у Беверли ни на что не осталось места. Она позабыла о Дружке. И о его могиле. И о матери. И о Райми. Она забыла про кота, «понтиак» и ночную рубашку в цветочек. Она забыла про Иолу и про лото в Доме ветеранов.

Она обо всем забыла.

В её голове не было ничего, кроме грязных тарелок, грязных вилок, грязных салфеток и громких людских голосов; в её руках — ничего, кроме тяжести ведра... Изредка она замечала яркий луч солнца: отразившись от синего океана, он проникал в синюю столовую, заставляя всех жмуриться и говорить: «Ох, как глаза слепит!»

Болят ноги, болят руки. На джинсах — пятна кетчупа. Вся она пропахла рыбой.

Было почти три часа дня, в зале почти не осталось клиентов, и тут мистер Денби сказал:

— Следуй за мной, Беверли-Энн.

Она прошла за мистером Денби по тёмному коридору в кабинет. Стол по-прежнему завален бумагами. Вентилятор стоит на полу и медленно вращает башкой из стороны в сторону, словно ищет потерянное. Дверца сейфа в стене открыта.

В детстве Беверли всерьёз собиралась стать взломщиком. У неё даже была книжка «Руководство для взломщика сейфов». Она перечитывала эту книжку столько раз, что в конце концов выучила почти наизусть и повторяла, когда не могла уснуть.

Сейфы взламывают на удивление часто — просто подбирают комбинацию цифр.

Это как раз из книги. И эта фраза мгновенно пришла ей в голову, когда она посмотрела на открытую дверцу сейфа в кабинете мистера Денби.

— Я тебе буду наличными платить, — сказал мистер Денби. — По крайней мере, пока мы не подпишем договор. А подписать его пока невозможно, потому что я никак не найду нужные формы. Они где-то здесь, на столе. Но пока буду платить тебе под столом. Понимаешь, о чём я? Беверли-Энн?

— Нет, — ответила Беверли.

— Вот, держи. — Мистер Денби выдал ей пятнадцать долларов. — Приходи завтра в десять. Ты сегодня хорошо пошустрила, я доволен. И Дорис с Чарльзом тоже довольны. Да и Фредди наверняка твою работу заценила.

— Спасибо, — сказала Беверли. Насчет Фредди она сильно сомневалась. Вряд ли она вообще что-нибудь ценит.

— До завтра, — сказал мистер Денби.

Её поджидала Фредди.

— Вот, — сказала она и вручила ей два доллара.

— Это что?

— Чай в чайник кладу. Так что пусть Дорис, эта старая ворчунья, заткнётся. Когда увидишь её в следующий раз, не забудь сказать, что я с тобой поделилась, хорошо?

— Хорошо.

— И ещё одно, — продолжила Фредди. — Дорис меня обзывает куклой Барби, думает, это обидно. Но это не оскорбление. Это комплимент, потому что Барби красивая. Кстати, раньше я работала Живой Дарлин, представляешь?

— Что за Дарлин? — спросила Беверли.

— Тоже кукла, как Барби, но не такая знаменитая. Зато она красивее. В общем, работа у меня была такая: ходила в костюме Дарлин, словно живая кукла, купоны раздавала и всё такое.

— Какие купоны?

— Купоны на скидки, чтобы лучше игрушки покупали. Так я и попала в модельный бизнес.

— Ясненько.

— Ну я же не собираюсь работать в ресторации до конца жизни. Я же не сварливая старуха Дорис или Чарльз, который, хоть и молодой, но всё уже профукал. У меня есть мечты. Я хочу многого добиться. — Фредди осмотрела на Беверли с ног до головы и сказала: — Ты тоже можешь кое-чего добиться. У тебя неплохие ноги, длинные такие. А рост какой? Метр семьдесят три? Или семьдесят пять? С таким ростом можно в модельный бизнес. Они любят высоких. И волосы у тебя красивые. А ну-ка покажи зубы!

Беверли оскалилась. Фредди отшатнулась:

— Ты чего меня пугаешь?

— Захотелось.

— Ты завтра всё-таки надень другую одежду, — сказала Фредди. — Это мой тебе совет.

— А мой тебе совет: не лезь в чужие дела, — сказала Беверли и, толкнув дверь ресторана, вышла на улицу.

Солнце ударило в глаза точно кулаком.

Вот она, Беверли Тапински, здесь и сейчас. Она жива.

10

Выйдя из ресторана, она не пошла к шоссе A1A, не пошла к трейлерам «У морского конька». Она повернула в другую сторону и спустилась к океану.

По песку, мимо пляжных полотенец, пластиковых лопаток, разноцветных зонтиков и лежащих там и сям людей, она прошла прямоком к воде.

Сняла шлёпанцы, оставила на песке. Хотела было закатать джинсы, но потом подумала: зачем? И вошла в воду. Сначала вода доходила ей до колен, потом до бёдер, а потом накатила волна и попыталась сбить её с ног. И Беверли не стала сопротивляться.

Она упала в воду. Перевернулась на спину и уставилась в небо. Там, в синеве, висел тоненький серп луны.

Сюда или на другой пляж неподалёку отсюда её когда-то, давным-давно, привозил отец. Тогда ещё должны были запустить в космос какую-то ракету. Они вышли из дома вдвоём, затемно, и добрались до пляжа, как раз когда всходило солнце.

Они сидели рядышком на капоте машины. И смотрели в небо. Отец твердил:

— Подожди, подожди. Сейчас она взлетит.

И ракета взлетела.

Взлетела!

Капот был тёплым. Беверли чувствовала, как двигатель остывает. Он тикал под ними, точно часы. Точно гигантское сердце.

Отец держал её за руку.

Когда ракета наконец взмыла в небо, он сжал её руку сильно-сильно, до боли.

Довольно скоро отец ушёл насовсем.

Уехал в Нью-Йорк и больше не вернулся. Страхнув земные грубые оковы.

Глупый стих.

Стихи — это просто слова, которые можно сказать над могилой, которые можно бросить в яму, как комья земли.

— Жмурка, Моргалка и Сон, — произнесла Беверли вслух. Этот детский стишок куда лучше. Только как там дальше? Нет, дальше не вспоминалось. Кто-то куда-то уплыл.

Надо спросить у Райми, что там дальше. Беверли скоро напишет ей письмо и заодно спросит. Райми всё знает про стихи.

Беверли лежала на спине в океане и смотрела на остатки луны — тоненький месяц. Потом поплыла к берегу.

Шлёпанцы исчезли.

Она шла босиком по песку, потом по горячему асфальту, по обочине шоссе A1A, по дроблёным ракушкам, что вели к «Морскому коньку».

Ноги горели, как в огне.

Иола стояла у трейлера, поливала свои дурацкие цветы.

— Господи, дитя, — сказала она. — Ты откуда такая?

— Я купалась.

— Да я уж вижу. — Иола посмотрела на Беверли внимательно. — Значит, остаёшься?

— Я же здесь, — ответила Беверли.

Отложив шланг, Иола скрылась в трейлере и вынесла оттуда полотенце. Беверли кое-как вытерлась и уселась в траву — досыхать на солнце. Кожу стянуло от солёной воды.

Она закрыла глаза и уснула, и приснилась ей могила. Беверли стояла над ней, смотрела вниз и искала Дружка. Но его там не было. Просто яма, пустая глубокая яма. Во сне она подумала: «Зачем я вырыла такую глубокую яму?»

Она проснулась. Одежда на ней высохла, стала жёсткой, а солнце клонилось к закату. Они с Иолой поехали в магазин. В комиссионку. Беверли купила три футболки, джинсы и пару шлёпанцев.

Иола купила тостер.

— Строго говоря, тостер мне не нужен, — сказала она. — Мой прекрасно работает. Но он старый. А этот новый и блестящий. Правда, красивый?

— Да, — сказала Беверли. — Очень.

Когда они вернулись, Иола включила новый тостер, поджарила хлеб и приготовила бутерброды с тунцом.

После еды пришло время ехать в Дом ветеранов играть в лото.

И Беверли по-прежнему была здесь.

В фургонном городке «У морского конька». С Иолой Дженкинс.

То есть она остаётся? Видимо, да.

Пока — да.

11

Оказалось, что лицам моложе восемнадцати лет в лото в Доме ветеранов играть не положено.

— Мне уже есть восемнадцать, — сказала Беверли.

— Покажите удостоверение личности с датой рождения, — сказал старик у двери.

— Она моя племянница, Ральф, — сказала Иола.

— Мне всё равно, кто кому брат, сват и кум. Ей должно быть восемнадцать лет, — сказал Ральф. — Такие правила. По закону лото — азартная игра. Правительству виднее. Я с правительством не спорю.

Ногти у Ральфа были жёлтые и толстые, ороговевшие. Глаза слезились. Он говорил, но смотрел куда-то мимо собеседников.

— Я не собираюсь играть, — сказала Беверли. — Не очень-то и хотелось.

— Моя милая, — сказала Иола.

— Я в машине подожду.

— Моя милая... — снова сказала Иола.

— Всё в порядке. Мне всё равно.

Ей действительно было всё равно. Кому нужно это лото?

— Ну как же ты будешь ждать в машине? — сказала Иола. — Это как-то не по-людски.

— Ничего, посижу, — сказала Беверли. — Идите, тётушка, играйте. И прежде, чем Иола начала возражать, Беверли повернулась и ушла.

Внутри «понтиака» было слишком жарко. Беверли уселась на край тротуара и уставилась на большой знак «ДВ» — Дом ветеранов.

Внутри буквы «Д» примостилось птичье гнездо. Оттуда свисали прутья и травинки, а какая-то маленькая птичка суежилась вокруг с деловым и важным видом — носила в гнездо всякую дрянь.

Не уехать ли? Ключи от машины у неё. Можно сесть в «понтиак» и уехать, угнать автомобиль. Стать настоящей преступницей. Иола, скорее всего, даже не обратится в полицию. Просто очень расстроится. А это хуже полиции.

Так что Беверли сидела на бордюре возле Дома ветеранов. Смотрела на буквы «Д» и «В». Смотрела, как летает туда-сюда птичка.

И тут буквы «Д» и «В» загорелись. Сначала они загудели, затрещали, а затем вспыхнули: сначала «Д», а за ней «В».

Обе буквы были прекрасны, и, когда Иола вышла из Дома ветеранов, Беверли не встала. Она продолжала сидеть и глядеть на сияющие буквы.

— Вот и я, — сказала Иола.

Беве́рли не ответила.

— Я выиграла восемнадцать долларов и пятьдесят центов, — объявила Иола. — И повеселилась. Но я тревожилась, как ты тут одна.

— В порядке.

— Теперь нам с тобой хватит денег, чтобы по-настоящему хорошо поужинать. Хочешь есть? Купим гамбургеры и картошку фри. Ты куда уставилась?

— Там птичье гнездо, — сказала Беве́рли.

Иола подняла голову.

— Не вижу.

— Ну, поверьте на слово.

Иола вглядывалась в светящиеся буквы. Беве́рли видела их отражение в очках Иолы — там они были крошечные и светились не так ярко.

Беве́рли встала.

— А вы допускали, что выйдете, а меня тут не будет? Что я просто заберу машину и уеду?

— Ну конечно. — Иола продолжала смотреть на знак. — Но я допускала и другое: я выйду, а ты будешь здесь. — Она повернулась и улыбнулась Беве́рли. — И вот. Ты здесь.

В тот вечер Беве́рли отвергла ночную рубашку в цветочек: «Нет, Иола, спасибо». Она спала на диване на террасе в одной футболке. В какой-то момент пришёл Сон и мурлыча свернулся у неё в ногах.

Утром, когда она проснулась, кота уже не было. Руки ломило от вчерашней работы — ведро с грязной посудой оказалось тяжеленным. Ноги у неё тоже болели.

Она вспомнила о птице, что вьёт гнездо на ДOME ветеранов — снуёт туда-сюда, туда-сюда. Вспомнила сами буквы, как они светились, какими красивыми они были в темноте, как гудели и потрескивали...

Из маленькой кухоньки долетал запах кофе.

Беверли лежала на плетёном диване и смотрела на серый свет, сочившийся через щели жалюзи.

Ей показалось, что внутри у неё тоже что-то мурлычет.

12

Иола сидела в шезлонге перед трейлером. Сон свернулся у неё на коленях.

— В кофеварке есть кофе, — сказала Иола, увидев Беверли, но с места не встала.

Кусты и деревья объял туман. Он же приглушил все звуки. Но океан всё равно рокотал в тишине — негромко и настойчиво.

— На меня иногда нападает хандра, — сказала Иола, не глядя на Беверли. — С тобой бывает?

— Нет.

— Будто кто-то давит на грудь, так что дышать невозможно, и надеяться не на что. — Иола положила руку на сердце. — А потом, через некоторое время, проходит. Само. Просто надо подождать.

Беверли кивнула.

— Я рада, что ты здесь, — сказала Иола. — Но за тебя тревожно. Ты ещё маленькая, не спорь, я знаю. Маленьким надо жить дома. И тебя наверняка ищут. Мне-то с тобой хорошо, утешительно. Ты моё утешение.

— Никто меня не ищет, — сказала Беверли. — Пойду кофе пить.

Она вошла в трейлер, налила чашку кофе и встала у окошка с жёлтыми занавесками. Она смотрела в окошко и думала о том, как же ей не хочется быть утешением. Ни для кого.

Она вышла с чашкой на улицу. Перед трейлером, возле Иолы, стояла какая-то дама.

— Вижу, у тебя компания появилась, — сказала дама Иоле, кивнув на Беверли.

— Появилась, — подтвердила Иола.

— Ты кто такая будешь? — обратилась дама к Беверли.

Волосы у неё были крашенные, ярко-рыжие. Одета в зелёный брючный костюм, на лице — фальшивая улыбка.

— Она моя племянница, — сказала Иола.

— Не знала, что у тебя есть племянница.

— Представь, есть. Вот, в гости приехала.

— Какие у неё волосы тёмные. Она не итальянка?

— Она моя племянница, — повторила Иола.

— Я её племянница, — сказала Беверли.

— Ладно, племянница так племянница. Хотя вы совсем непохожи. Ладно, бывает и так, природа чудит. — Она улыбнулась своей фальшивой улыбкой. — Я сейчас хочу прогуляться. А ты, Иола, дай знать, едем ли мы в воскресенье в церковь и надо ли везти тебя за продуктами.

— Со мной племянница съездит, большое спасибо.

— Ну, как хочешь, — сказала дама.

— Так и хочу, — отрезала Иола.

Женщина ушла. Иола сказала:

— Это Морин. Она брала меня с собой в магазин, поскольку за руль мне теперь нельзя. Но в лото играть не возила, ни-ни. Она говорит, что лото — это грех. Коррупция и аморалка! Нет, ты такое слышала?!

— Мне она не нравится, — сказала Беверли.

— Мне тоже, — сказала Иола. — И никогда не нравилась. Но зато хандры моей как не бывало. А всё потому, что я ей наврала. Ну, что ты мне племянница. И отшить её тоже было приятно. Терпеть не могу ходить с ней по магазинам. Она ничего не купит без купона, на всё у неё скидки. Она сама дешёвка, вот что я тебе скажу. Мой Томми назвал бы её «скупой душонкой». Так и есть. Скупая душонка.

— Зато волосы рыжие, — сказала Беверли.

— Она их красит раз в неделю. Краска в таких маленьких коробочках продаётся. Она, разумеется, покупает на купоны. Сварить тебе яйца, милая?

Беверли хотела сказать «нет», но сказала «да».

Сидя за крошечным столиком на крошечной кухоньке в крошечном трейлере, глядя, как Иола ставит перед ней тарелку с едой, Беверли чувствовала себя маленьким счастливым ребёнком. Ребёнком, о котором заботятся.

Наверное, в письме она опишет для Райми кухню Иолы: жёлтые занавески, крошечный столик, синие тарелки и часы в форме кошки. Она опишет, как настоящий кот Сон сидит на холодильнике и сверху свисает его хвост.

— У вас есть лист бумаги и конверт? — спросила Беверли.

— Есть.

— Мне нужно кое-кому письмо написать, — сказала Беверли.

— Я так и подумала, — сказала Иола. — Для чего же ещё нужны бумага и конверт? Ты напишешь родным? Сообщишь, где ты?

Беверли промолчала.

— Не бери в голову. Это не моё дело. — Иола начала выбираться из шезлонга. Но замерла на полпути, а потом снова грузно опустилась обратно. — Паршивый артрит, колени ломит. Бывают такие дни, прямо всё болит.

Беве́рли подошла ближе, наклонилась и взяла Ио́лу за руку. Ладошка маленькая, каждая косточка прощупывается.

Беве́рли потянула, и Ио́ла медленно поднялась на ноги.

— Уф-ф-ф, — сказала Ио́ла.

— Порядок? — спросила Беве́рли.

— Порядок. — Ио́ла сжала руку Беве́рли. И уже не отпускала, пока они вместе поднимались по лестнице в трейлер.

13

— Подумать только! Она наконец одежду сменила! — сказала Фре́дди. — Наверно, сегодня праздник или рак на горе свистнул.

Фре́дди сидела за столиком в зале, курила и заворачивала столовые приборы в синие бумажные салфетки. Её волосы были забраны в высокий пучок.

В зале пусто — только Фре́дди, стопка салфеток да куча вилок, ложек и ножей, которые искрились под солнечными лучами.

Беве́рли смерила Фре́дди тяжёлым взглядом.

— Ты чего? — спросила Фре́дди.

— Ничего.

— Забираю свои слова назад, — сказала Фре́дди. — В модели ты не годишься. Ноги у тебя, может, и хорошие, и волосы тоже, и зубы белые, но ты ужасно неприветливая. Какая из тебя модель, если ты бука? Люди хотят смотреть на модель, которая умеет улыбаться, чтобы каждому казалось, что она улыбается ему лично. — Фре́дди засияла искусственной улыбкой. — Вот! Вот как это делается. — Тут же выключив улыбку, Фре́дди принялась долго и глубоко втягивать табачный дым, а потом выдыхать его колечками.

В обеденный зал вошёл мистер Денби.

— Доброе утро, Беверли-Энн, — сказал он.

— Доброе, — ответила Беверли и пошла на кухню.

Дорис стояла у мойки, оттирала сковороду.

Чарльз мыл пол.

— Вчера вечером я вдруг подумала, что ты и не знаешь, что значит положить чай в чайник, — сказала Дорис не оборачиваясь. — У тебя ж ещё молоко на губах не обсохло. Чарльз, когда пришёл, тоже не знал, как тут всё работает.

— Не знал ничегошеньки, — сказал Чарльз. — И до сих пор не всё понимаю.

— Ничего, научишься потихоньку, — сказала Дорис. — А ты, тётя Беверли, слушай сюда. Наша Барби должна положить тебе чай в чайник, то есть поделиться чаевыми, которые получает сама. Десять процентов по крайней мере. Она тебе что-нибудь дала вчера? Сколько?

— Два доллара, — ответила Беверли.

Дорис фыркнула.

— Что-то не так? — спросила Беверли.

— Да ты сама-то поглядывай. Смотри, сколько люди на столах оставляют. Мотай на ус. Разбирайся, сколько тебе причитается. В этом мире каждый сам за себя.

— Но вы за меня, да, Дорис? — сказала Беверли широкой и твёрдой спине поварихи.

Дорис снова фыркнула.

Чарльз продолжал мыть пол. Он тихонько смеялся.

Обед раскручивался медленно, и всё же к полудню ресторан был полон загорелых детей и разомлевших на солнцепёке родителей. Беверли бегала с ведром и собирала в него грязную посуду, пытаясь везде поспеть. Фредди сияла своей фальшивой улыбкой, переходя от

столика к столику. А мистер Денби, при галстукке с мрачной рыбиной, встречал у порога новых и новых гостей.

И всё повторилось как накануне. Прошрое и настоящее враз испарились, стёрлись из сознания Беверли: ладонь Иолы с тоненькими косточками и крепкой хваткой; воспоминание об отце и запуске ракеты; Дом ветеранов с птичьим гнездом; могила Дружка и причитания Райми: как же мы будем без него жить? Беверли обо всём забыла. Ни о чём не думала. Она просто работала.

В какой-то момент толстый старик с сигарой ущипнул её за попу. Беверли удивилась:

— Вы ведь пошутили, да?

— Прости, недотрога, — процедил он.

— Лу в своём репертуаре, — сказала ей Фредди. — Но, если на него не жаловаться, он оставляет больше чаевых.

— Кому оставляет-то? — съязвила Беверли. И Фредди заткнулась.

После обеда Фредди выдала Беверли два доллара.

— Это мои десять процентов? Полностью? — спросила Беверли.

— Ты о чём?

Беверли молча смотрела на Фредди.

Фредди состроила свою гримаску, а потом отсчитала из толстой пачки ещё три доллара.

— Довольна? — спросила она.

— Угу, — ответила Беверли. — Спасибо.

— О-о-о, — сказала Фредди. — Вот и Джером. Что-то он рано.

Крупный темноволосый парень в красной майке шёл через почти опустевший ресторанный зал. Толстая золотая цепь у него на шее ловила солнце и подмигивала на каждый его шаг.

Фредди помахала и надела свою модельную улыбку.

— Привет, Джером, малыш, — сказала она. — Что-то ты рано.

— У вас новенькая? — Он повернул голову в сторону Беверли.

Вблизи он показался Беверли не таким уж взрослым — лет семнадцати или восемнадцати от силы. Из уголка рта торчала зубочистка. Когда он говорил, зубочистка покачивалась вверх-вниз.

— Я тебе про неё рассказывала, — сказала Фредди. — Но ты никогда меня не слушаешь.

— Слушаю, — возразил Джером. — Только и делаю, что тебя слушаю. — Он подмигнул Беверли: — Привет, новенькая!

У Джерома были волосатые плечи и большой нос. Похож на волка из мультика. Ещё он был похож на парней, с которыми гуляла её мать, — глупых, безбашенных, а иногда подлых.

— Что с тобой, новенькая? — спросил Джером. — Язык проглотила?

— Беверли-Энн, — позвал мистер Денби с порога зала. Он выглядел уставшим.

Джером вынул зубочистку изо рта и приветственно ею помахал.

- Добрый день, сэр! — крикнул он.
- Привет, Джером, — сказал мистер Денби.
- Как жизнь, мистер Денби? — Джером снова зажал зубочистку меж губ и улыбнулся. — Рыба свежая, сэр?
- С рыбой всё хорошо, Джером, — сказал мистер Денби. — Беверли-Энн, зайди-ка в офис.
- Пока-пока, Беверли-Энн, — проворчал Джером ей вслед. — Приятно провести время в офисе с мистером Денби, Беверли-Энн.
- Мистер Денби провёл Беверли в кабинет и закрыл дверь. Повернулся к ней лицом и подёргал-поправил свой рыбный галстук.
- Мне её парень не нравится. Джером этот. Не подарок. — Мистер Денби вздохнул. — Конечно, Фредди тоже не совсем подарок. Зато она официантка. Причём амбициозная весьма. С запросами. — Он снова вздохнул. — Но с этим парнем она нахлебается, я прямо чую. Ведь один раз оступился — и вся жизнь наперекосяк. Ужас. Надеюсь, с тобой такого не случится, Беверли-Энн.
- Угу, — сказала Беверли.
- Когда у тебя у самого дети, поневоле всякие мысли в голову лезут, — сказал мистер Денби. — Родитель всегда думает, как детей уберечь, где им соломку подстелить. Как только я найду анкету, сразу оформим договор, но пока вот тебе немного денег. И спасибо за хорошую работу.
- Спасибо. — Беверли взяла деньги.
- Надеюсь, ты завтра придёшь? — спросил мистер Денби.
- Конечно.
- А бабушка твоя как поживает?
- У меня нет бабушки.
- Ты вроде говорила, что есть.
- Нет.

— Ну, может, я просто видел тебя вчера в машине с твоей бабушкой.

— Ошибаетесь.

Мистер Денби снова подёргал галстук с рыбой.

— Значит, обознался. Прости. Вечно я себе что-то хорошее придумываю. Как говорится, выдаю желаемое за действительное. Это моё свойство приводило мою жену в отчаяние. — Он вздохнул. — У меня ведь три дочери, знаешь?

— Да. Вы говорили.

— Точно! — Мистер Денби хлопнул в ладоши. — Наверняка говорил. Ну, хорошего тебе дня, Беверли-Энн. Иди, погрейся на солнышке. До завтра.

— Конечно, — сказала Беверли. — До завтра.

14

Беверли вышла из ресторана и увидела тёмно-синий пикап, припаркованный под углом, почти поперёк, на стоянке.

Наверняка машина Джерома.

Окно со стороны водителя было опущено. Беверли сунула голову внутрь. В пикапе пахло сигаретным дымом и дешёвым одеколоном.

Ага, Джеромова машина.

На зеркале над рулём висела золотая кисточка — такие выпускникам на шапочки прикрепляют.

— Ха, — сказала Беверли. — Точно Джером. Зуб даю.

Приоткрыв дверцу, она сняла кисточку с зеркала, сунула в карман джинсов и снова захлопнула дверцу.

— Один раз оступился — и вся жизнь наперекосяк, — сказала она вслух.

Эти слова подняли ей настроение.

За ресторанной стоянкой она вышла на шоссе A1A и двинулась на север, в противоположном направлении от «Морского конька». Руки ноги ломило. Вся она пропахла рыбой и кетчупом. В кармане лежала пачка долларовых бумажек и выпускная кисточка.

Надо бы что-нибудь купить. Только что?

Впереди виднелась вывеска мини-маркета «Zoom-сити». Слово «Zoom» ехало на двух ОО, как на колёсах, и кренилось вбок, словно все буквы куда-то торопились.

Перед «Zoom-сити» стояла металлическая лошадь — из тех, что глотают твои десять центов и везут неведомо куда.

В детстве Беверли обожала этих коняшек. А потом поняла, что на них никуда не уехать: они всегда остаются на месте, сколько монет им ни скорми.

Она поняла это, стоя с матерью возле магазина «Набей тележку». Ей было года три. Может, четыре.

Отец тоже стоял рядом.

— Залезай на лошадку, Бевви, — сказала мать.

— Нет, — сказала Беверли.

— Садись на лошадь! — заорала мать.

— Ребёнок не хочет, Ронда. Оставь её в покое.

— Она же любит этих лошадок. Тебе не нравится лошадка, Бевви?

Все дети на ней катаются, всегда. Садись на лошадку, детка.

— Нет, — сказала Беверли.

— Лезь на лошадь! Веселись! — требовала мать.

Но Беверли не полезла. Она ни за что не будет этого делать.

Она не хотела ехать в никуда, её больше не одурачить.

— Видишь, какая упрямая? — сказала мать отцу. — Кремень, а не ребёнок.

Беверли уставилась на лошадь возле «Zoom-сити»: рот открыт — все зубы видно. Она, похоже, чем-то напугана. Ей разом и страшно, и грустно.

Беверли стало жаль лошадь. Противно же стоять тут, перед «Zoom-сити», и завлекать детей в никуда.

Беверли похлопала её по металлическому боку.

Дверь магазина открылась, и оттуда вышла женщина, таща за собой вопящую малышку.

— Прекрати, Вера! — крикнула женщина. — Плачь, сколько влезет, но на лошади ты кататься не будешь.

На ребёнке не было ни обуви, ни одежды — только подгузник.

— А-ачу на лоша-а-аку, — вопила Вера.

— Нет, — отрезала мать.

— А-ашака! На а-ашаку! — орала Вера.

— Заткнись!

Дверь в «Zoom-сити» снова открылась. Вышел паренёк. Лицо его пылало. На груди бирка «Zoom-сити» с именем «Элмер».

— Держите. — Он вручил матери девочки монету. — Пусть ребёнок покатается.

Паренёк вернулся в магазин.

— А-ашака? — Вера перестала плакать.

— Садись на лошадь! — крикнула её мать. — Хороший человек дал тебе десять центов. Лезь быстрее!

Вера заморгала. И раскинула руки, чтобы мать её подняла.

— Сама, — сказала мать. — Хотела, вот и лезь сама.

— Перестаньте, — не выдержала Беверли. — Замолчите.

Она опустилась на колени и протянула Вере руки:

— Иди сюда.

Маленькие ножки заторопились, заплетаясь и спотыкаясь. Беверли подхватила девочку. От неё пахло мочой и тальком. Тельце крепкое, тяжёленькое, как нагретый солнцем кирпич.

— Ты чего это делаешь? — возмутилась мать.

— Сажая ребёнка на лошадь, — ответила Беверли. — Ух!

— А-ашака, — сказала Вера.

— Да, — сказала Беверли. — Лошадка. И ты уже на лошадке. Умеешь держаться?

Вера кивнула и схватила поводья:

— Да.

Её лицо было в соплях и слезах.

— Вот и хорошо. — Беверли повернулась к матери: — Бросайте десять центов.

— Ишь раскомандовалась! — сказала женщина возмущённо, но монету в щель бросила. Лошадь дрогнула и закачалась.

Вера, вцепившись в поводья, смотрела на Беверли.

— А-ашака бежит, — сказала она удивлённо.

— Конечно, — сказала Беверли. — Лошадка бежит. Так и должно быть. Она отвернулась и толкнула дверь в магазин.

15

Паренёк по имени Элмер стоял за прилавком. В руках у него была огромная книга, на обложке — крылья.

Ярко-синие, невообразимо синие, блистательно синие крылья.

— Что ты читаешь? — спросила Беверли.

Элмер медленно опустил книгу и взглянул на Беверли. Его лицо всё ещё пылало. И было всё в прыщах. В угрях. А глаза карие. Золотисто-карие.

— Книгу, — ответил он.

— Вижу, что книгу. Про что книга-то?

— Про искусство итальянского Ренессанса, — сказал Элмер. — Ещё вопросы будут?

— Да. Тебя правда Элмер зовут?

— Почему бы и нет?

— Не знаю. По-моему, Элмер — имя для старика. Или для человека, который гонится за двумя зайцами и ни одного поймать не может.

— Может, я и есть старик, — сказал Элмер. — Может, мне десять тысяч лет. И последнюю тысячу я живу в этом магазине. За зайцами гоняюсь. Вполне возможно. Вот догоню и задушу. Голыми руками. — Его усыпанное прыщами лицо покраснело ещё сильнее. — Но, будь я и в самом деле охотником и проживи я на свете десять тысяч лет, я бы вряд ли отвечал на твои вопросы. Я был бы мифом, супергеро-ем. Я был бы научным чудом. Стал бы я тратить время на пустые разговоры? Пришла что-то купить — покупай. Пришла задавать вопросы — иди отсюда. Интервью окончено. Потому что я в нём больше не участвую. Понятно?

Элмер посмотрел на неё. А потом поднял книгу повыше, чтобы скрыть за ней лицо.

— Вот как? Ну ладно! — Отвернувшись от прилавка, Беверли зашагала вдоль прохода. Её сердце билось часто-часто. Словно она бежит.

Она бросила взгляд на стеллажи с товарами. Туалетная бумага. Вяленая говядина. Кукурузные чипсы. Жидкость для очистки стёкол. Бейсболка с надписью «Мясо аллигатора».

Что бы это значило?

За окном Вера всё ещё скакала на железной коняшке. Хоть и не увезут тебя никуда за эту монетку, но протрясут изрядно.

Беверли остановилась перед полкой с конфетами: красные шарики с корицей, разноцветные солодовые шнурки, жвачка. Она схватила две конфеты в виде восковых губ и отнесла на прилавок к кассе. Две пары алых губ.

— Ты берёшь губы? — Элмер захлопнул книгу. — Их никто не покупает.

Беверли рассматривала синие крылья на обложке его книги. Они принадлежали ангелу, который парил над женщиной, положив руки ей на щёки. Женщина не выглядела особенно счастливой.

Впрочем, и ангел тоже.

— Так что? Берёшь? — снова спросил Элмер.

— Да. В подарок, — ответила Беверли.

— Вот уж кому-то повезёт.

— Я видела, что ты сделал. Ну, насчёт девочки и лошади.

— А что я сделал?

— Дал ей десять центов.

— И что из этого?

— А то. Сидишь тут, читаешь про искусство и ангелов. И раздаёшь по десять центов маленьким детям, которые хотят покататься. Притворяешься крутым, но на самом деле ты добрый.

Элмер залился краской.

Беверли дала ему доллар.

— Мне твоё имя ещё одну вещь напоминает: клей, — сказала она. — Мы в младших классах поделки всякие клеили, использовали клеящий карандаш Элмера. И меня всегда ругали, потому что я его жевала. Наверно, потому и жевала. Чтобы ругали. Вкуса на самом деле никакого. Но я любила позлить учителей. А вообще ты, похоже, правду сказал: ты старик, тебе десять тысяч лет, ты гоняешься за зайцами и убиваешь их голыми руками, но, возможно, ты их вовсе не

убиваешь, а просто склеиваешь клеем Элмера, потому что ты вообще не крутой, у тебя рука не поднимется никого убить. Тебе и склеивать-то их стыдно. Да, думаю, это чистая правда.

Элмер смотрел на неё во все глаза.

Он улыбался, но старался не улыбаться. Его лицо было очень красным, прямо пунцовым.

Беверли взяла с прилавка восковые губы и сказала:

— Сдачу оставь себе.

Она вышла из «Zoom-сити» не оглядываясь.

Столько слов она давно никому не говорила. Может, даже никогда не говорила. За всю жизнь.

Очень вероятно.

Она взглянула на алые губы — она держала их в руке. Что-то внутри её подрагивало, трепетало.

Как будто в животе бьётся, машет крыльями птица.

Она спустилась к океану и бросила в воду выпускную кисточку Джерома. Кисточка не утонула, а поплыла, точно экзотическое морское существо, а потом исчезла — её унесла отхлынувшая волна.

— До свидания, — сказала Беверли. — Удачи.

Она стояла и долго смотрела на океан.

Наконец повернулась и направилась к «Морскому коньку».

16

Иола сидела в шезлонге перед трейлером. Сон развалился у неё на коленях, а хвост его свисал вниз и мерно раскачивался.

— Вот, держите. — Беверли протянула Иоле восковые губы.

— Спасибо, дорогая, — сказала Иола и принялась недоумённо эти губы вертеть. — Что это?

— Губы, — ответила Беверли.

— Что с ними делают?

— Вот так можно. — Беверли надела другую пару восковых губ поверх своих собственных. Воск был сладким и жирным.

Иола посмотрела на неё и захихикала.

— Чего только люди не выдумают! — Она тоже надела восковые губы и замерла, вытаращив глаза за стёклами очков. Маленькая рас-
терянная сова с огромным ртом.

Беверли засмеялась.

Иола выплюнула губы и сказала:

— Ты первый раз смеёшься, я раньше не слышала.

Беверли пожала плечами. И тоже сняла губы.

— Вы тоже при мне раньше не смеялись.

Иола снова надела губы. И Беверли не удержалась — захохотала.

И ей снова показалось, что в животе бьётся, машет крыльями птица. Она подумала об Элмере. И об ангеле на обложке его книги. И о крыльях ангела. Ничего более синего, чем эти крылья она в своей жизни не видела. Она не знала, что бывает такая синь.

Беверли вдыхала запах океана. И слышала его рокот. Внезапно всё стало так прекрасно и так возможно, как никогда прежде.

Иола захохотала в голос. Сон соскочил с её колен и, задрав хвост, пошёл прочь.

Хлопнула дверь: из своего трейлера вышла Морин и направилась к ним. Руки скрещены на груди, рыжие волосы пламенеют.

— Эгей, — сказала она. — У вас тут всё в порядке?

— Вполне, — сказала Беверли.

Иола просто кивнула, во рту у неё были восковые губы. Морин взглянула на Беверли и сказала:

— Кто ты всё-таки такая? Ты же Иоле не родня. Может, ты вообще мошенница?

Птица — или что там было внутри у Беверли? — перестала махать крыльями. Замерла.

Беверли уставилась на Морин и произнесла:

— Почему бы вам не заткнуться?

Иола вынула восковые губы изо рта.

— Эта девочка — моя племянница!

— Не верю, — сказала Морин. — Всё враньё. Позвоню-ка я Томми-младшему. Пусть знает, что тут творится всякое непотребство.

— Не смей звонить Томми-младшему, — сказала Иола. — Я сама разберусь со своей жизнью. Томми мне не указ. А девочка моя, родная. И дело с концом.

— Это мы ещё посмотрим. — Морин развернулась и пошла к своему трейлеру.

— Ишь, подлюка, — сказала Иола, когда Морин скрылась из виду. — А мы так хорошо веселились... Помоги-ка мне встать.

Иола протянула Беверли руку, и та вытащила её из шезлонга.

— Хотите, я уйду? — предложила Беверли. — Я найду, где жить.

— Не вздумай, — отрезала Иола. — Этой выдре меня не запугать. Да и куда ты пойдёшь?

Беверли пожала плечами.

— Вы тоже так думаете? — спросила Беверли. — Что я мошенница?

— Нет.

— Но вы не знаете, кто я.

— Неправда. Я точно знаю, кто ты. — Иола посмотрела на Беверли, кивнула и поднялась по ступенькам в трейлер. На пороге она обернулась: — Заходи, приготовлю тебе бутерброд с тунцом. А то у нас новый тостер простаивает.

Она улыбнулась. Беверли промолчала.

— Пойдём поедим, — продолжала Иола. — Всё обойдётся. Всё будет хорошо.

— Я сейчас приду, — сказала Беверли и села в шезлонг.

«Всё будет хорошо. Всё будет хорошо».

Она не была в этом уверена, но прежде ей таких слов никто не говорил. Никогда.

Беверли посмотрела на восковые губы — она по-прежнему держала их в руке. Они уже изрядно помялись, зажевались — вот-вот растают.

Беверли подумала, что об этом тоже надо написать в письме к Райми.

В скрюченном домишке у скрюченного моря. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Всё будет хорошо в скрюченном домишке у скрюченного моря.

Да, так и будет.

17

— Привет, — сказал Джером на следующий день, зайдя за Фредди. — Привет, Беверли-Энн. Ты, случаем, не видела мою метёлку с выпускного?

— Метёлку? С выпускного? Твою?

— Ну, кисточка такая...

— А я при чём? — спросила Беверли.

— Да так. Сложил дважды два. Я тебя встречаю, ты как раз уходишь, потом я сажусь в машину и... Угадай! — Джером вынул зубочистку изо рта и внимательно осмотрел кончик.

— Что угадать?

— То самое. — Джером вернул зубочистку в рот. — Сажусь в машину, а кисточки нет. Ты мимо меня прошла. И кисточка пропала. Это как называется?

— Совпадение? — предложила Беверли.
— Угу, совпадение. Совершенно случайное.
— Какого цвета?
— Чё?
— Кисточка твоя выпускная. Какого цвета?
— Золотого.
— Золотого? С отличием закончил?
— Типа того, — сказал Джером. — Короче, золотая.
— Понятно. Если найду твою почётную золотую кисточку, дам знать.
— Беверли-Энн! — позвал мистер Денби. — Жду тебя в офисе.
— Да уж, Беверли-Энн... — Джером подошёл к ней совсем близко. От него пахло потом и одеколоном. — Беги-ка ты в офис к мистеру Денби! Скорей! Сядь с ним рядышком, потеснее, и помоги барыши считать. — Джером ей подмигнул.

— Беверли-Энн, идёшь? — снова позвал мистер Денби. Беверли пошла в кабинет.

Было приятно думать, что дурацкая Джеромова кисточка плывёт себе по волнам — она уже наверно на полпути к Кубе.

Мистер Денби снова сказал, что совсем скоро найдёт бумажки и у неё будет договор, заплатил наличными, и Беверли отправилась в «Зоом-сити». Зачем-то. Она вовсе не собиралась. А-а-а, просто она хочет посмотреть на лошадь.

Лошадь стояла ровно там, где она её оставила, перед магазином, вся в винтах и болтах, и рот у неё был открыт и зубы торчали, а в глазах — ужас и печаль. Глупая лошадь. Она дотронулась до её бока. Бок нагрелся на солнце.

Открылась дверь в «Зоом-сити». Элмер высунул голову и сказал:
— Тебе чего нужно? Десять центов?

— Нет, — ответила Беверли. — Мне ничего не нужно.

— Тут без возрастных ограничений. — Элмер махнул рукой в сторону лошади. — Катайся кто хошь.

— Ха-ха! — Беверли посмотрела на его усыпанное прыщами лицо, на глаза с набрякшими веками.

Элмер стоял одной ногой в «Zoom-сити», а другой — снаружи. Бирка с именем висела криво.

Элмер.

Кто в наше время даёт ребёнку имя Элмер?

— Не смотри на меня, — сказал Элмер.

— И не думаю.

— Угу, — сказал Элмер. — Вижу, что не думаешь.

Вдруг он встал по стойке смирно. И уставился куда-то за спину Беверли.

— Добрый день! — крикнул он. — Добрый день, мистер Жаворонг! Беверли оглянулась.

— Привет, Элмер! — откликнулся пожилой мужчина с тростью.

Он медленно двигался через парковку, стараясь не наступать на блестящую, утопленную в асфальт разметку.

Элмер распахнул дверь пошире. И улыбнулся, сверкнув зубами — прямыми, ровными и белыми.

— Я за сигаретами, Элмер, — сказал мужчина, подойдя ближе. — Этот день настал. Даже не пытайся меня отговаривать.

— Стиви нет, мистер Жаворонг. А я вам сигарет не продам. Ни за что. Для вас их нет в продаже. — Элмер улыбнулся. — И вообще, сигареты — не ответ.

— А в чём, по-твоему, ответ?

Старик остановился рядом Беверли, тяжело дыша. В ухе у него был слуховой аппарат персикового цвета, похожий на приплюснутую

морскую ракушку — такую подберёшь на пляже, покрутишь в руках, да и выбросишь обратно в океан.

— Может, вы знаете, в чём ответ? — Мистер Жаворонг повернулся и посмотрел на Беверли в упор.

— Нет, — сказала она. — Не знаю.

Он ей улыбнулся. Зубы у него явно были вставные — ровные-ровные.

— Это твоя юная подружка, Элмер? — спросил мистер Жаворонг. — Она мне нравится. Мне нравятся все, кто не притворяется, будто знает ответы.

— Я ему не подружка, — сказала Беверли.

— Она мне не подружка, — сказал Элмер.

— Понял. Вы не друзья. — Мистер Жаворонг снова улыбнулся. — Попробуем иначе. Как вас зовут, юная леди?

Мистер Жаворонг смотрел на неё не мигая. Глазки-бусинки, как у ящерицы. Блестят.

— Молчите? Ладно, начну первым, — сказал он. — Я Фрэнк. Фрэнк Жаворонг. Почти жаворонок. Вы когда-нибудь видели картину «Песнь жаворонка»?

— Не видела, — сказала Беверли.

— Такая красота, — сказал мистер Жаворонг. — Стоишь и прислушиваешься: вот-вот запоёт. — Он кашлянул, прочистил горло. — Да. Так вот я Фрэнк Жаворонг. А вы?

Беверли промолчала.

— Да неважно, — сказал Элмер. — Кого волнует, как её зовут? Я вот не знаю, да мне и не нужно. Пойдёмте внутрь, мистер Жаворонг, там прохладнее.

Элмер отступил на шаг и широко распахнул дверь:

— Заходите!

Мистер Жаворонг улыбнулся Беверли своей широченной, полной вставных зубов улыбкой и, грузно опираясь на трость, прошёл в «Zoom-сити». А Элмер всё придерживал дверь. Но на Беверли не смотрел. Он смотрел куда-то мимо.

— Идёшь? — спросил он.

Из магазина на неё потоком вытекал прохладный воздух. Невдалеке рокотал океан.

— Ты мнѐ? — пробормотала она.

— Давай быстрее. — Элмер на неё по-прежнему не смотрел.

Беверли пожала плечами. И прошла в открытую дверь. Внутрь.

18

Мистер Жаворонг разговаривал с Элмером у кассы, а Беверли ходила туда-сюда между стеллажами с туалетной бумагой, бейсболками, вяленой говядиной и жвачкой. Она делала вид, что пришла «Zoom-сити» за чем-то очень нужным и никак не может это очень нужное найти.

Чипсы, антифриз, бумажные полотенца, клейкая лента, аспирин, молоко, карамель, мягкие конфеты, вязанные шапки, брелки.

Почему в мире так много барахла?

Возле прилавка мистер Жаворонг то и дело кашлял. Скажет что-нибудь Элмеру — и сразу закашляется. При этом он каждый раз упирался обеими руками в прилавок, словно хотел загнать его поглубже в землю.

— Ты что-то ищешь? — крикнул ей Элмер.

Беверли подумала о синих крыльях ангела на обложке его книги. Да, она ищет именно это — эту сияющую невозможную синь. Глупо?

— Не твоё дело, — ответила она Элмеру.

— Идите сюда, юная леди, — сказал мистер Жаворонг. — Я вам кое-что покажу.

Беверли обречённо направилась к прилавку. Там лежали три огромных раскрытых тома — на глянцевых страницах отсвечивали люминесцентные лампы.

— Смотрите! — Мистер Жаворонг ткнул пальцем в одну из открытых страниц. — Вот она, «Песнь жаворонка».

Он закашлялся. Но палец от картины в книге не отнимал — указывал на девушку в поле. В руках у девушки коса. За её спиной встаёт солнце. Оно даже ещё не показалось над горизонтом, но всё залито светом.

— А где жаворонок? — спросила Беверли.

— Вот именно, — подхватил мистер Жаворонг. Но тут же упёрся руками в прилавок и снова закашлялся. — Только картина называется не «Жаворонок», а «Песнь жаворонка».

Беверли уставилась на девушку. Она стояла там босиком и, судя по позе, вслушивалась.

— Но как нарисовать песню? — сказала Беверли. — Невозможно.

Мистер Жаворонг улыбнулся.

— Тем не менее художнику удалось. Ему для этого не понадобился музыкальный инструмент и даже птица... — Он закрыл книгу. — Скоро Элмер сам обо всём узнает.

— Да сколько раз повторять: я не иду в искусствоведы, — сказал Элмер. — Я буду инженером.

— Он поедет в Дартмут, — пояснил мистер Жаворонг специально для Беверли и хлопнул ладонью по прилавку. — Ему шестнадцать лет, и они дали ему полную стипендию. Вот такой нам с вами попался мальчик, юная леди.

Он кашлянул. Элмер не поднимал глаз. Его лицо было уже пунцовым и начало багроветь.

— А я тем временем умираю, — продолжил мистер Жаворонг. — Рак. Рак легких. Грамм никотина убивает лошадь. Вы не курите, юная леди?

— Нет, — ответила Беверли.

— Умница, — сказал мистер Жаворонг. — Ладно, мне, пожалуй, пора. Был рад повидать тебя, Элмер. И с вами, юная леди, я тоже был рад познакомиться, хотя имени вашего до сих пор не знаю. Надеюсь, ещё увидимся. — И, опираясь на трость, он медленно направился к двери.

— До свидания, мистер Жаворонг, — сказал Элмер.

Старик широко распахнул дверь. А потом она долго-долго за ним закрывалась.

— Это всё твои книжки? — спросила Беверли.

— Библиотечные, — ответил Элмер.

— А где та, с ангелом?

— Какая? — Элмер посмотрел на неё недоумённо. — Какая именно? Ангелов полно — в каждом втором произведении искусства.

— Ты её вчера читал. — Беверли чувствовала, что краснеет, но продолжила: — Про итальянское искусство эпохи Возрождения.

Слова выскакивали изо рта сами: неожиданные и странные.

Элмер сунул руку под прилавок и вытащил книгу.

— Эта?

Синь ангельских крыльев была такой же поразительной, как накануне. И на лице у ангела была прежняя досада: мол, у меня дел по горло, а помощи никакой.

Дверь в «Zoom-сити» открылась. Вошёл мужчина в бейсболке и тёмных очках. Он насвистывал.

— Называется «Благовещение», — сказал Элмер. — Нравится? Что именно нравится?

Беверли не ответила.

— Чем она тебе понравилась? — не отставал Элмер. — Чем?

— С чего ты взял, что понравилась? — сказала Беверли. И добавила: — Крыльями.

Элмер кивнул.

— Меня зовут Беверли, — сказала она.

— А фамилия есть?

— Тапински.

Он не сводил с неё глаз.

— Ты чего? Тебе и второе моё имя сообщить?

— Конечно.

— Луиза, — сказала Беверли. — Доволен?
— Я — Элмер.
— Уже знаю.
— А я напоминаю. — Он поднял книгу и спрятал за ней лицо. — Я работаю до пяти, — сказал он из-за книги. — Ну, вдруг ты... хотела спросить.
— Даже не думала.
Выходя из «Zoom-сити», Беверли Тапински улыбалась.

19

Элмер работает до пяти? Ждать его она не собиралась.
Даже в мыслях не было.
Но возвращаться к Иоле пока не хотелось. И на пляж идти не хотелось. Беверли подошла к телефонной будке. Она стояла и смотрела на телефон. Внутрь не входила.
Представила, как мать сидит на заднем крыльце, пьёт пиво, курит и недовольно пялится на растрёпанные апельсиновые деревья.
— Паршивцы! Хоть бы один сладкий апельсинчик родили! Шиш! Одна кислятина. Всех срубить к чёрту!
Но она их не срубила. Под этими деревьями похоронен Дружок.
Он там один, и никого, кроме матери, рядом нет. Считай, значит, что вообще никого нет.
Беверли вошла в будку, сняла трубку, но как заставить себя набрать номер?
Что ей сказать?
Ронда Джой Тапински, можешь мне чуток помочь? Для разнообразия.
Присмотри за Дружком, а?

Ха.

Дружок умер.

А мать никогда ни о ком в жизни не позаботилась, только о себе любимой.

Беверли повесила трубку. И вспомнила про ангела с синими крыльями, который заботится обо всех. А о нём — никто. Вот бы он распростёр крылья над могилой, прикрыл ими Дружка или что там ещё умеют делать ангелы? Осенил могилу своими крылами? Трепещущими...

Она уткнулась лбом в стекло, подняла руку и потрогала слова над головой. Они всё ещё там. А куда ж они денутся?

В скрюченном домишке у скрюченного моря.

Эти слова можно читать, даже не глядя. Ей это нравилось. Снова и снова водила она пальцем по буквам.

А потом она вышла из телефонной будки и посмотрела на солнце. Уже четыре пополудни, а то и больше. Элмер закончит работать в пять.

Кого она пытается обмануть?

Она пошла обратно. В «Zoom-сити».

И села там возле коняшки: прислонилась головой к её боку и закрыла глаза.

— Прости, тебе не нужна помощь? — произнёс чей-то голос.

Беверли открыла глаза. Над ней склонилась женщина в зелёной запашной юбке. Она улыбалась. На юбке были уточки, сотни уток.

— Ты устала? — спросила женщина. — Потерялась?

— Я не терялась, — сказала Беверли.

— Устала? Плохо себя чувствуешь?

— Я в порядке.

— Но ты сидишь тут, совсем одна, на солнцепёке...

Женщина выпрямилась. Стояла, уперев руки в боки, и улыбалась Беверли. Её каштановые волосы были собраны в большой пучок на макушке. Из пучка торчал карандаш. За её левым плечом тлел шар послеполуденного солнца.

— Спасением интересуешься?

— Чем?

— Спасением, — повторила женщина.

Беверли отклеилась от лошади, села прямо.

— Вот, держи. — Женщина протянула ей листок с текстом. — Тут вся правда написана.

Дверь в «Zoom-сити» открылась. Элмер высунул голову:

— Миссис Дили!

— Что?

— Я уже говорил вам. Так нельзя.

Женщина повернулась к Элмеру:

— Что нельзя?

— К людям приставать.

— Ни к кому я не пристаю. Мне явилась истина, и я передаю её другим. Им от этого будет счастье... — Миссис Дили выглядела смущённой.

— Всё хорошо, — поддержала её Беверли. — Мне по барабану.

— Видишь? — сказала миссис Дили Элмеру. А потом она повернулась и снова протянула Беверли листок. — Я сама написала. Почитай на досуге. И поймёшь, что всё тут правда.

— Спасибо. — Беверли взяла листок, испещрённый маленькими фигурками-чёрточками, а изо рта у них выплывали воздушные шарики с крошечными словами.

— Это комикс, — пояснила миссис Дили. — Истину надо подавать в самой доступной форме. Я сама нарисовала. Моей рукой водили выше.

— Понятно, — сказала Беверли.

— До свидания, миссис Дили, — сказал Элмер.

— До свидания, до свидания, — сказала миссис Дили. — Я буду за вас молиться.

Она помахала им обоим, прошла между «Zoom-сити» и густыми кустами и направилась к океану.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Элмер.

— Жду, — ответила Беверли.

— Чего ждёшь?

— Тебя, балда.

Элмер улыбнулся. Но смотрел он куда-то вниз, себе на ноги.

— Скоро сменщик придёт, — сказал он.

Дверь в «Zoom-сити» снова закрылась.

Беверли прислонилась к лошади. И принялась разглядывать комикс миссис Дили. В каждом шарике было так много слов, что прочитать их было почти невозможно. Один из палочных человечков что-то кричал; по крайней мере, Беверли предположила, что это крик, потому что рот его был огромной, мучительной буквой «О». Другая фигурка была в огне — вот-вот совсем сгорит.

Ещё в этом комиксе водилось много змей. Человечки держали их в руках, размахивали ими, топтали их, прыгали на них. Одна змея было непомерно большая. Или это крокодил? Да, должно быть крокодил, у него ведь есть ноги. Над головой у этого не-разбери-пойми-чего болтался пузырь. Беверли прищурилась и прочла: «Истина будет явлена вам в огне и смутной радости».

— Ёшкин кот, — громко сказала Беверли.

Она сложила листок, положила его в задний карман и снова закрыла глаза. Иола, наверное, уже беспокоится: куда, интересно, Беверли запропастилась? Может, она думает, что Беверли никогда не вернётся? Стоит небось сейчас на ступеньках трейлера и глядит на дорогу. Ждёт и надеется, что Беверли непременно придёт.

Как это всё-таки ужасно: люди всегда кого-то ждут.

Невыносимо. Истина в огне? И в смутной радости? Нет, она не хочет об этом думать.

Беверли достала из заднего кармана подаренный миссис Дили комикс.

Один из человечков стоял на вершине горы, подняв вверх обе руки. Из рта у него выплывал пузырь, но слов внутри пузыря не было.

Миссис Дили забыла вставить слова?

Или человечек пытается сказать что-то, чего словами не выразишь?

20

— Она в кустах прячется, — сказал Элмер. — А потом выпрыгивает из кустов и набрасывается на людей. Чтобы всучить им эти комиксы. Пугает всех до смерти.

— Я не испугалась, — сказала Беверли.

— Ну, ты не из пугливых, а другие... У неё ведь там людей на кострах сжигают, и змеи их жрут, а она втюхивает свои листочки детишкам, которые на лошади катаются. Дети сначала думают, что, раз это комикс, будет весело. А там ничего весёлого. И дети режут. Зачем, спрашивается, их пугать? Жизнь и так довольно страшная штука.

Они шли по трассе А1А бок о бок. Элмер перекинул через плечо холщовую сумку с книгами, и Беверли то и дело задевала её рукой.

— Куда идём-то? — спросила она.

— На остановку.

Они как раз миновали телефонную будку.

— Погоди. — Беверли остановилась. — Я тебе кое-что покажу.

— Будку? Я её сто раз видел.

— Нет. Там, внутри...

— Что? Там супермен завёлся?

— Ха-ха! — Беверли открыла дверь. — Заходи.

— Сначала ты, — сказал Элмер.

— До чего ж ты недоверчивый. Ладно. — Она вошла. — Смотри. Я жива. Со мной ничего не случилось.

Элмер положил сумку с книгами на землю и тоже вошёл в будку.

— Здесь воняет, — сказал он.

Вблизи лицо Элмера бугристое — всё в злых прыщах и воронках от прежних прыщей.

— Может, я Ганзель? — пошутил он. — Меня ведьма в печку посадила?

— Задери голову, — сказала Беверли.

— Что?

— Посмотри вверх. Сюда.

— О! Наскальные надписи.

— Читай.

— «В скрюченном домишке, — произнёс Элмер, — у скрюченного моря...»

Сердце Беверли гулко ухало. Было странно, почти больно слышать эти слова, произнесённые вслух. Ведь они написаны внутри её, вырезаны, вытесаны в самой её сердцевине.

Он повторил, на этот раз быстрее:

— «В скрюченном домишке у скрюченного моря». Хорошо сказано.

Мне нравится.

— Ты написал? — спросила Беверли.

— Я? Не, это не мой жанр. Давай выбираться отсюда. Слишком жарко.

Они вышли из будки. Элмер поднял сумку с книгами.

— У меня к тебе вопрос, — сказал он.

Мимо проехал пикап, приветственно гуднул.

— Какой вопрос?

— Что тебе понравилось в крыльях? На картине?

— Они такие синие. Никогда такой синевы не видела.

Элмер кивнул.

— Как это делают? — спросила она.

— Ты о чём?

— Как добиваются такого цвета?

Элмер остановился. Взглянул на неё.

— Брали лазурит, полудрагоценный камень, — сказал он. — Его размельчали, перетирали и делали краску.

— Лазурит, — повторила Беверли.

— Да. На латыни: Lapis lazuli. — Элмер зашагал дальше.

— Lapis lazuli, — повторила она, совсем тихонько.

Точно заклинание бормотала.

Так они дошли до автобусной остановки. Элмер посмотрел на часы и сказал:

— Автобус скоро. Вот-вот будет.

— Где этот Дартмут? — спросила Беверли. — Мистер Жаворонг говорил...

— В штате Нью-Гэмпшир.

Нью-Гэмпшир. Где это? За тысячу миль отсюда?

— Так ты в инженеры пойдёшь?

— Хотелось бы.

Мимо них в горячем металлическом мареве неслись машины. Внезапно Беверли ощутила, что этот мир — жаркий, шумный, грубый — больше невозможно терпеть. Он обдирает всё нежное, важное. Уносит в никуда.

— Я всё ненавижу, — сказала она.

— Сколько тебе лет? — спросил Элмер.

— Какая разница? Четырнадцать.

— Понятно, — сказал Элмер.

Потом приехал автобус. Поднявшись по ступеням, Элмер повернулся к ней и сказал:

— Лазурит. Ты его не ненавидишь. И ещё меня, да? Ты же меня не ненавидишь. — Он улыбнулся. — До завтра, хорошо?

— Да, — сказала Беверли. — Хорошо.

Она стояла и смотрела, как отъезжает автобус. Элмера уже не было видно, но она всё равно стояла и махала.

Что с ней не так?

Зачем махать человеку, которого она даже не видит? Зачем размахивать руками, как неразумное дитя?

— Лазурит! — крикнула она вслед автобусу. — Lapis lazuli!

Какие красивые, синие слова! Она их сразу полюбила. И с этим уж ничего не поделаешь. Она махала, пока автобус не скрылся из виду.

21

Она вернулась к трейлерам «У морского конька». Иолы во дворе не было. Беверли поднялась, постучала в дверь.

Подождала. Снова постучала. Дверь открылась. Иола стояла на пороге без улыбки и таращила на неё большие глаза.

— Привет, — сказала Беверли.
— Привет? — сказала Иола. — Это всё, что ты намерена мне сказать? Привет?

— Ну... а что?

— Я тебя жду-жду. Бог знает сколько времени жду.

— Зачем? Я не просила...

— Я даже губы твои надела, — продолжала Иола. — Надела и села дальше ждать. Думала, ты посмеёшься. Увидишь, как я тут сижу, с этими восковыми губами. Но ты всё не шла. И я их просто съела.

— И как они? Вкусные?

— Гадость! Воск. И совсем не сладкие.

Беверли стояла на ступеньках, а Иола — в дверях.

За спиной у них бормотал океан.

— Не надо меня ждать, — сказала Беверли. — Иначе я всё время буду думать, что вы тут ждёте. Я так не могу.

— Я ждала. — Очки Иолы заскользили вниз с переносицы, и она пальцем подтолкнула их на место. — Не можешь думать — не думай, но это правда. Люди всегда кого-то ждут. На кого-то надеются, полагаются.

Очки Иолы снова поползли вниз, и она снова подтолкнула их вверх.

Очки казались крупнее, чем были вчера. Точно Иола за сутки скукожилась.

Сон протиснулся у Иолы между ног, спустился по ступенькам и пошёл через двор, задрав хвост.

Иола замерла у двери.

Беверли тоже стояла не шевелясь. Просто стояла. Океан бормотал неумолчно. Небо постепенно становилось каким-то зловеще розовым. Впрочем, розовый цвет всегда казался Беверли зловещим.

Напоминал о принцессах, конкурсах красоты, а главное — о матери и её вранье.

— Ну... — сказала Иола.

— Что «ну»? — отозвалась Беверли. — Вы меня в трейлер-то пустите?

— Впущу, дорогая, — сказала Иола. — И впредь всегда буду впускать. Дело не в этом...

Сон вернулся, встал у лестницы, посмотрел вверх, на них двоих и издал вопросительный «мяв». Небо над трейлером из розового стало пурпурным. По нему катились тёмные облака.

— Этот кот вздумал вернуться в дом, — сказала Иола. — Туда-сюда, туда-сюда. Кошки непредсказуемы.

— У меня теперь есть друг, — сказала Беверли.

— Что?

— Друг.

— Ты ж моя милая! — воскликнула Иола.

Беверли пожала плечами.

— Его зовут Элмер. Глупое имя. Он работает в «Zoom-сити».

— Моя милая! — повторила Иола. — Я так рада.

Сон в два прыжка одолел лестницу. И закружил, обвился вокруг ног Беверли, точно пытаюсь её связать. Он громко мурлыкал. Небо совсем потемнело, набрякло.

— Ты глупый кот, — сказала Беверли.

— Сейчас дождь пойдёт, — сказала Иола. — Входи уже, не тяни.

Она взяла Беверли за руку, а Беверли наклонилась и подхватила кота.

Так они вошли в трейлер — все вместе, втроём.

Иола немедленно принялась готовить для Беверли бутерброд с тунцом. Как, как случилось, что Беверли — ненавидя рыбу! — работает

в рыбном ресторане и каждый божий день ест рыбу? Что происходит в её жизни?

По крыше трейлера застучал дождь. Беверли села за кухонный столик и увидела, что на нём, прямо посередине, лежит лист бумаги — белый лист с каймой из лиловых цветочков по верхнему краю. Сверху конверт с такими же цветочками. На конверте ручка. Ещё на конверт была наклеена марка.

— Что это? — спросила Беверли.

— А на что похоже? — Иола засовывала в тостер ломтики хлеба.

— На канцтовары, — сказала Беверли.

— Правильно, — подхватила Иола. — Ты же говорила, что хочешь написать письмо, а я сначала забыла купить, чем писать и на чём писать. А теперь вспомнила. Пиши на здоровье.

Сон вскочил на холодильник и уселся там, спиной к ним. Он изучал стену так, словно в ней заключалась какая-то великая тайна. Хвост его раскачивался взад-вперёд. Возможно, когда-нибудь Сон эту тайну разгадает. Или в стене приоткроется дверца, Сон туда прыгнет — и был таков.

Но пока он здесь. Беверли взяла ручку и написала: «Дорогая Райми!»

С минуту она сидела неподвижно. Слушала дождь. А потом наклонилась над бумагой и написала:

Здесь есть телефонная будка, она стоит на обочине дороги, совсем близко от океана, и кто-то внутри будки, на стекле, нацарапал слова. Я не знаю, кто это сделал, но думаю, это неважно.

Я хотела тебе сказать, что, если не искать эти слова, их можно и не заметить. Вообще не заметить. Увидишь только, если задерёшь голову и помотришь под правильным углом.

Не бойся, я тебе обязательно скажу, что там написано. И ещё много всего расскажу. Но сначала у меня к тебе просьба.

Сходи на могилу к Дружку, ладно?

Бeverли писала долго. Исписала лист с обеих сторон. Пришлось попросить у Иолы ещё один лист. А письмо всё не кончалось.

Она сидела в скрюченной кухоньке у скрюченного моря и писала. Писала письмо.

22

— Ты хорошо справляешься с уборкой, — сказала Фредди. — Да и клиентов вполне могла бы обслуживать, если захочешь. В смысле: ты бы справилась. Только не здесь. В каком-то другом ресторане. Потому что здесь официантка — я.

— Угу, — сказала Бeverли. — Знаю.

— Но мечтать о большем обязательно надо. Пока перед тобой все дороги открыты. Я на семинар такой ходила. Называется — «Большая мечта». Нас учили мечтать с размахом, пробовать разное, никогда не останавливаться. И представляешь, сразу после этого семинара я стала Живой Дарлен. И сразу поняла: это моя судьба.

— Работать куклой?

— Стать знаменитой.

— Ясно.

Они были вдвоём в обеденном зале: заворачивали вилки-ножи в бумажные салфетки. Фредди курила.

Бeverли сидела спиной к океану. Он был вне поля её зрения, его даже не было слышно, но она чувствовала, как он вздымается где-то неподалёку, как вода посверкивает на солнце.

— Джером тоже мечтает о большем. Не в смысле, что на семинары ходит. Да ему и не нужно. Ему мечтать — как дышать. Когда-нибудь он точно разбогатеет.

— Ещё бы, — сказала Беверли.

— И голова у него варит, — добавила Фредди.

— Ага, — отозвалась Беверли.

— Послушай... — Откинув голову, Фредди выпустила сигаретный дым в воздух над их головами. — Фырчи сколько влезет, но я о тебе же забочусь: заведи себе мечту. Конечно, если ты жаждешь всю оставшуюся жизнь со столов убирать, запретить не могу. Хороша компания: ты, Чарльз этот переломанный, сварливая старуха Дорис и главный наш рыболов и рыболоб. Вы будете очень счастливы вместе.

К ним с широкой улыбкой подошёл мистер Денби. На галстуке у него красовался зелёный осьминог. Посчитать Беверли не успела, но ног у осьминога было, кажется, девять.

— Фредди, — начал мистер Денби, всё ещё улыбаясь, — по-твоему хорошая идея: курить над столовыми приборами?

— Хорошая, — отрезала Фредди. — Я всегда курю, когда салфетки кручу.

— Я тут подумал, — сказал мистер Денби. — Нам в этом заведении нужно чаще улыбаться. Нам всем.

— Я часто улыбаюсь, — сказала Фредди.

— В конце концов, у нас гостевой бизнес, — сказал мистер Денби.

— А не рыбный? — спросила Беверли.

— Если часто улыбаться, чаевых больше дают, — заметила Фредди. — Кстати, к слову: Дорис и Чарльз никогда не улыбаются.

— Они на кухне, — сказал мистер Денби. — А вы — лицо заведения.

— Вот именно, — подхватила Фредди. — Да им и улыбаться не о чем.

— Правильно. — Мистер Денби провёл рукой по волосам. Погладил галстук с осьминогом. Прокашлялся и сказал: — Что ж. Я готов открыть двери. Фредди, потуши сигарету и начнём шоу.

— Какое шоу? — спросила Фредди.

— Рыбное, — ответила Беверли. — Ежу понятно.

Отработав, Беверли ждала мистера Денби, сидя на оранжевом стуле в кабинете. Вентилятор исчез. Два ящика в шкафу выдвинуты. Бумаг на столе прибавилось.

Дверца сейфа была, по обыкновению, открыта.

Беверли подошла к сейфу и заглянула внутрь. Там было несколько стянутых резинкой стопок по двадцать долларов и множество разных бумажек.

Беверли взяла в руки стопку двадцаток. Забрать — раз плюнуть. Даже сейф вскрывать не надо. Легче лёгкого.

Она положила деньги обратно.

И увидела фото. С загнутыми уголками.

Бeverли подняла фотографию.

На ней был мистер Денби. В шляпе Санты. На коленях у него сидел младенец, и младенец этот тоже был в шляпе Санты. На полу перед мистером Денби сидели две маленькие девочки в зелёных платьицах с красными бантами. Рядом с мистером Денби была женщина, тоже в шляпе Санты.

Все на фото улыбались.

Они сидели перед ёлкой — судя по всему искусственной. За ёлкой виднелось окно, а за ним реальный мир. В этом мире шёл снег — он оставлял на оконном стекле белые пятна. Ещё снаружи виднелось дерево. Без листьев, с чёрными ветвями.

Мистер Денби выглядел счастливым. Рыбного галстука на нём не было. У самой старшей девочки вместо переднего зуба зияла дырка. Эта девочка улыбалась шире всех.

Бeverли сунула фотографию в карман джинсов и снова села на оранжевый стул.

Через несколько минут в кабинет, посвистывая, вошёл мистер Денби.

— Бeverли-Энн, — сказал он, — я тобой очень горжусь, ты отлично выполняешь свою работу. В какой-то момент мы заполним все документы, всё официально, чин по чину. А пока, пожалуйста, прими эту маленькую премию и мою благодарность.

Он передал Бeverли две десятки и ещё пять долларов.

— Спасибо, мистер Денби, — сказала она.

Когда она проходила мимо кухни, Фредди протянула ей пачечку долларовых купюр:

— Держи. И скажи Дорис, что делюсь чаем.

— Мне плевать! — крикнула Дорис.

Бeverли сказала:

— Спасибо, Дорис.
— Деньги даю я, а спасибо ей? — возмутилась Фредди. — За что?
— Тут всё прогнило! — крикнула Дорис и загрохотала кастрюлями. — А с людьми нужно по справедливости. Я не шучу. Я устала.
— О чём она вообще? — Фредди пожала плечами.
— О справедливости, — ответила Беверли.
— Что это значит? — спросила Фредди. В кухне снова раздался грохот.

— Это значит, что всё должно быть по-честному, — сказала Беверли.
— Что? — Фредди состроила свою гримаску.
— Не бери в голову, — сказала Беверли. — До завтра.

Она вышла из парадной двери ресторана на яркий предзакатный свет. Навстречу ей шёл Джером, и это было ужасно некстати, потому что в целом день выдался неплохой.

— Привет, Беверли-Энн, — сказал он. — Я вчера застукал тебя с твоим парнем, вы по дороге шли.

— Допустим, застукал, — сказала Беверли. — И что?

— И ничего. Я вам гуднул разок. Но влюблённые никого вокруг не замечают.

Беверли посмотрела на него долгим взглядом.

Джером улыбнулся.

— Я этого парня знаю. Бойфрендика твоего. Мы с ним алгебре в одном классе учились. Ща, погоди... Как его зовут-то? — Джером ударил кулаком себе по лбу. — Дай подумать... А, вспомнил. Он же Элмер Фууд — охотник из мультика. Всегда промахивается, всегда мимо...

— Заткнись уже, а? — предложила Беверли.

— Да, точно, Фу-фу-фууд, — не унимался Джером. — Думаешь, я ничего не знаю, а я знаю. Беверли-Энн с Фу-фу-фу сели на пенёк и ЦЕ-ЛУЮТ...

Беверли прошла мимо него. Дальше.

— ... СЯ, — договорил Джером. — Слушай, будь другом, передай своему Фу-фу-фу привет от Джерома. Мол, Джером шлёт спасибо за помощь по алгебре.

Он растянул последнее слово. Превратил три слога в три отдельных слова: «Ал. Ге. Бре».

— Не надумала вернуть мне кисточку с выпускного? Я ведь жду. — Джером развёл руками. — Ведь это ты её взяла, Беверли-Энн.

Она отвернулась и прошла дальше, через парковку. Сердце колотилось. Она зашагала по обочине А1А. Мимо, в ревущем раскалённом потоке, неслись машины.

Беверли пошла быстрее. Добралась до «Zoom-сити», распахнула дверь.

За прилавком Элмер читал книгу «Американское искусство от А до Я». На обложке — картинка: кафе или закусовая с кучей людей внутри. Картина была зелёной. Всё и все на картине выглядели зелёными и одинокими.

Какой смысл рисовать зелёные, одинокие картины?

— Привет! — Элмер опустил книгу и улыбнулся ей.

— Ты не говорил, что знаешь Джерома, — сказала Беверли.

— Кого?

— Джерома. Ты ему с алгеброй помогал, да?

Пунцовые щёки Элмера враз побелели. Он положил книгу на прилавок.

Дверь «Zoom-сити» открылась, и вошёл мистер Жаворонг.

— Всем добрый день, — сказал он.

— Так что? — спросила Беверли. — Знаешь его?

— Знаешь кого? — уточнил мистер Жаворонг.

— Джерома, — сказала Беверли.

— Кто такой Джером? — спросил мистер Жаворонг.

— Да, Элмер, — сказала Беверли. — Кто такой Джером?

— Хорошо. — Элмер поднял руки, а затем осторожно опустил их на прилавок. — Давай разберёмся. Кто такой Джером? Джером — человек, который каждый день на физре стаскивал с меня шорты. До колен. Вместе с трусами. Потому что оставить меня без трусов было смешнее. Но погоди — всё было не так. Не каждый день. Потому что Джером забавлялся, чередовал: то несколько дней подряд, то пауза. Чтобы я в этих паузах дрожал в ожидании. Чтобы боялся. Джером умел повеселиться! Умел себя развлечь.

— Подожди, — сказал мистер Жаворонг. — Ты о чём это? Что происходит, ребята?

— Кроме того, — продолжал Элмер, — Джером — это человек, который залепил мне рот клейкой лентой, обмотал меня всего этой лентой и приклеил к стулу. Скотчем! Оригинальная идея, скажи? А? — Элмер говорил всё быстрее, взмахнув. — Кто такой Джером? Отвечу: это человек, который использовал своё разностороннее воображение, своё философское мышление, чтобы приклеить меня к стулу и запереть в шкафу, где хранят вёдра и щётки. Угадай, как долго я там пробыл? Полдня. Половину учебного дня. Меня нашёл мистер Еровский, школьный уборщик. Это тоже было весело, потому что, когда уборщик открыл шкаф, он начал орать на меня по-польски. Ха-ха-ха, что может быть смешнее, чем уборщик, который орёт по-польски на мальчика, обернутого клейкой лентой? Да ничего! Ничего смешнее не бывает!

Элмер посмотрел на Беверли в упор. Лицо его пошло красными пятнами. Он вцепился руками в прилавок. Дрожащими руками.

— Поняла, — сказала она.

— Нет, ты не поняла. Ты забыла об алгебре. Я же «помогал» Джерому с алгеброй, так? А это значит, что Джером списывал у меня домашку каждый божий день. Я иногда решал неверно. Специально решал неверно. Получал пару только для того, чтобы он тоже получил пару. Но ему начихать. На всё. Он — Джером, и этим всё сказано.

Беверли слышала, как мистер Жаворонг дышит рядом с ней, с хрипом и свистом.

— Так что — да, — сказал Элмер. — Джерома я знаю. И что с того? Я хорошо знаю Джерома.

— Ничего себе... — начал мистер Жаворонг и закашлялся. Потом он протянул руку к уху, потеревил свой слуховой аппарат. — Ничего себе история. Если я правильно расслышал...

— Мне пора. — Беверли поняла, что больше ей не вынести... Жестокость Джерома, дрожащие руки Элмера.

Элмер покачал головой. Взглянул на свои руки, а затем поднял глаза — но смотрел он куда-то мимо неё...

— Конечно, — сказал он. — Иди.

Она вышла из «Zoom-сити» и вернулась в ресторан.

Джеромова пикапа в поле зрения не было.

Ей хотелось бить и крушить всё подряд.

А ещё сесть на пустой парковке и плакать.

Вместо этого она спустилась на пляж. Она стояла и смотрела на большой безразличный океан. Он сверкал, словно всё было хорошо. Песок был горячим. А небо — беспощадно голубым. Не лазоревым, не цвета ангельских крыльев, а выцветшим, выгоревшим, размытым — цвета конца жизни. Цвета августа во Флориде.

У кого возникнет дикая идея залепить человеку рот скотчем? У кого поднимется рука приклеить человека к стулу и запереть в шкафу?

У Джерома.
И только у Джерома. Ужас.
Кромешный ужас.

23

Беве́рли уселась на горячий песок.

И вытащи́ла из карма́на фотогра́фию счастли́вого мисте́ра Денби. Счастли́вый мисте́р Денби, его счастли́вая жена и счастли́вые дети. Беверли смотре́ла на пада́ющий за окном снег. На го́лые ветки дере́ва. Рассматрива́ла беззубую улы́бку ребе́нка.

Такие фотогра́фии — спло́шное враньё.

Они су́лят невозможное.

Правда в том, что люди ужа́сно, чудови́щно обра́щаются друг с дру́гом. С бли́жними.

Вот бы Дру́жок сиде́л сейча́с рядом.

Ей хоте́лось, чтобы он сиде́л рядом с ней, чтобы приту́лился к ней, чтобы его бо́ка поднимали́сь и опуска́лись. Её дру́г, её Дру́жок, кото́рый все́гда был не́жным. Кото́рый ни́когда ни́кого не оби́жал.

Но Дру́жка в э́том ми́ре нет, а Джеро́м есть.

Разве э́то по спра́ведливости?

Океа́н продо́лжал нака́тывать — свире́по, неумо́лимо. Беверли уткну́лась подборо́дком в ко́лени.

Подошёл ребе́нок с веде́рком и совко́м и встал почти́ впло́тную.

— Ты куда смотре́шь? — спроси́л он.

— Не твоё де́ло. — Она́ суну́ла фотогра́фию о́братно в карма́н.

— Подви́нься, — сказа́л мальчи́к.

— Что? С како́й стати́?

— Я тут за́мок буду стро́ить, из песка́.

— Строй свой замок в другом месте, — сказала Беверли.

Малышу было лет шесть-семь. Он смотрел на Беверли, она на него.

— Я маме пожалеюсь.

— Жалуйся. Мне всё равно.

Мальчик заморгал. С его бровей и ресниц посыпались песчинки. Плечи были розовые, обгорелые.

— Вон моя мама. — Он указал на женщину, сидевшую на полотенце. Женщина ему помахала. — Она ужасно рассердится.

— Пускай сердится, я её не боюсь, — сказала Беверли.

— Ни капельки?

— Ни капельки.

— А я боюсь. — Мальчик вздохнул. — Когда она взаправду сердится, я ужасно боюсь. — Он потёр брови. — Но мне больше некогда разговаривать. Надо замок строить. — Он снова вздохнул и ткнул пальцем на место слева от Беверли. — Вот здесь надо строить.

— Послушай, — сказала Беверли. — Хочешь, я тебе помогу?

— Хочу. Сама же видишь, хочу.

И они стали трудиться вместе. Молча. Трудились долго.

Мальчик спускался к воде и носил оттуда влажный песок, ведёрко за ведёрком. Беверли наращивала из песка башни, лепила арки. Вырыла ров.

— Ты хорошо строишь замки, — заметил мальчик.

— Да, — сказала Беверли. — Я знаю.

Потом он сказал:

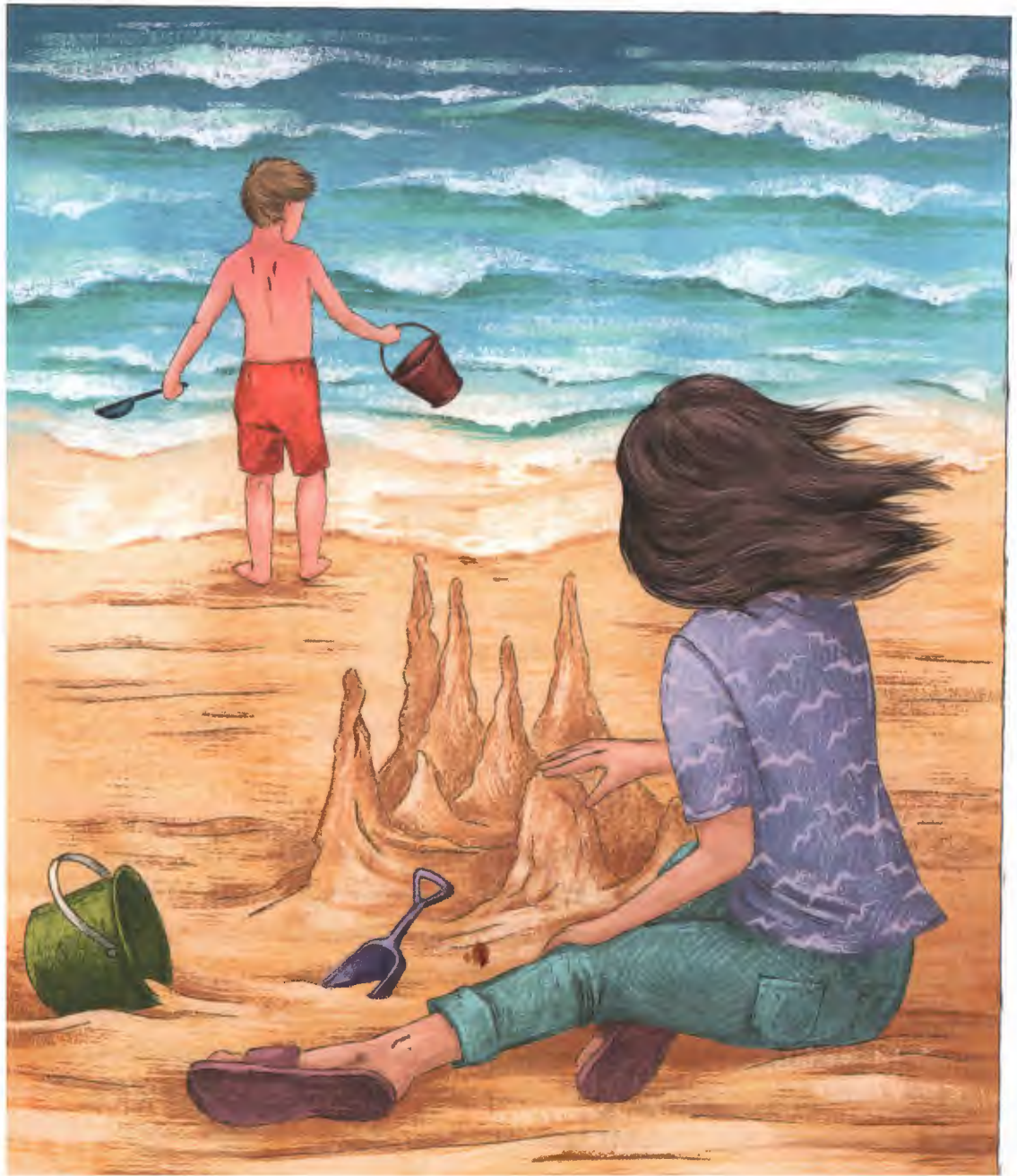
— Ты пахнешь кетчупом.

— Ты тоже не розами пахнешь, — отозвалась Беверли.

Мальчик засмеялся.

Его мать подошла, когда они построили ползámка, и сказала:

— Робби, нам пора.

- Я занят, — ответил мальчик.
- Завтра доделаешь, — сказала его мать.
- Завтра всё исчезнет, — сказал Робби.
- Никуда оно не денется, — сказала мать.
- Она исчезнет, — сказал Робби, ткнув пальцем в Беверли.
- Я приду завтра, — пообещала Беверли.

Робби посмотрел на неё внимательно.

— Хорошо, — произнёс он наконец и позволил матери взять его за руку.

— Спасибо. — Женщина тоже посмотрела на Беверли.

Беверли пожала плечами:

— Не за что.

— Приходи завтра! — Робби указал на песочный замок. — Прямо сюда.

— Договорились, — сказала Беверли.

Когда Робби ушёл, она ещё несколько минут посидела у недоделанного замка. И думала о том, как взрослые врут маленьким детям, даже не задумываясь, даже не понимая, что врут.

«Никуда оно не денется. Я приду завтра».

Все врут.

В мире так много тупого, нехорошего. Гадости всякой не счесть. Она вспомнила, как побелело у Элмера лицо, как дрожали руки. И Джерома представила — мерзкого, самодовольного ёрника.

А потом ей почему-то вспомнилось, как Сон свешивает хвост с холодильника и хвост этот качается взад-вперёд, взад-вперёд. Она представила, как ангел завис в небе, ожидая помощи, и какой синевой сияют его крылья благодаря лазуриту. Она представила, как Иола делает у себя на кухоньке бутерброды с тунцом.

В скрюченном домишке.

У скрюченного моря.

Бeverли встала. Она дошла по горячему песку до трассы A1A и повернула к «Морскому коньку».

24

Иола сидела перед трейлером, Сон — у неё на коленях. Иола улыбнулась.

— Я ждала тебя, дорогая. Не требуй, чтобы я не ждала, потому что я всё равно жду. И посмотри на это! — Она взмахнула над головой газетой и протянула её Бeverли: — «Рождество в июле в Доме ветеранов, — читала она. — Выиграй самую большую в мире индейку! Танцуй под живую музыку! Укрась ёлку! Угощение! Сыр! Крекеры! Пунш! Забавы для всех и каждого. С пяти вечера до первых петухов!»

Внизу была фотография индюка. Он улыбался, хотя глупо улыбаться, если тебя хотят зажарить и съесть. Страницу обрамляла каёмочка с рождественскими фонариками, а в правом углу подмигивал Санта-Клаус. Рядом с головой Санты было слово «ха».

Не «ха-ха-ха».

Просто «ха».

— Сейчас август. — Бeverли вернула газетный лист Иоле. — Как они додумались проводить «Рождество в июле» в августе?

— «Рождество в июле» в Доме ветеранов проводят каждый год. Полагаю, в этом году они просто не успели вовремя подготовиться. Я уж думала, ничего не будет. Но они меня не подвели! Праздник завтра вечером, представляешь? Там всегда такое веселье, они такие затейники! Приглашают гостей любого возраста — ты тоже можешь пойти. О, как прекрасно! Я люблю танцевать. А ты? Ты разве не любишь танцевать?

— Нет, — сказала Беверли.

— Танцевать все любят, — возразила Иола. — В этом году у них ещё и конкурс на самую большую в мире индейку. Раньше они просто угощали всех индейкой, но до конкурса только сейчас додумались.

— Можно Элмер придёт к нам на ужин? — спросила Беверли.

— Кто? — растерялась Иола.

— Элмер. Мой друг. Мы вчера подружились, я рассказывала.

— Элмер, твой друг. Конечно, можно. Когда?

— Сегодня можно? Сегодня вечером? Сейчас?

— Да, — сказала Иола. — Конечно.

Она улыбнулась Беверли. Парик у неё сполз набок. Глаза за стёклами очков казались огромными.

— Тогда я схожу, приглашу его, — сказала Беверли.

— Боже ты мой, — всполошилась Иола. — Я уже встаю. Начинаю готовить. Бутерброды с тунцом?

— Ага, — сказала Беверли.

Она вышла на шоссе A1A. Прошла мимо «Моречка», мимо телефонной будки, мимо металлической коняшки с вытянутыми вперёд передними ногами: лошадь словно куда-то скакала, хотя на самом деле — никуда.

Когда она вошла, Элмер поднял глаза, но тут же отвернулся.

— Тебе нравятся бутерброды с тунцом? — спросила она.

Элмер не ответил.

— Ты можешь прийти на ужин сегодня вечером?

Элмер промолчал.

— Ладно, — сказала Беверли. — Тогда другой вопрос: чему равен квадратный корень из двух?

— Когда ты перестанешь задавать мне вопросы? — спросил Элмер.

— Не знаю. Может, когда ты начнёшь отвечать. Так ты можешь прийти на ужин сегодня вечером?

Он посмотрел на неё.

— Нет, — сказал он.

— Почему нет?

— Не надо меня жалеть.

— Я тебя не жалею.

— Так я и поверил. А Джером рассказал тебе, как он меня называл?

— Фууд, — сказала Беверли.

— Вот именно, Элмер Фууд. Фу-фу-фу. Как того слюнтя из мультика.

— И что? — сказала Беверли.

— И то. Мне твоя жалость не нужна. И домой я к тебе не пойду. Есть бутерброд с тунцом.

— Это не мой дом, — сказала Беверли. — Я просто там сейчас ночую. Это трейлер, розовый трейлер. Он принадлежит старушке, её зовут Иола. У неё есть кот по имени Сон.

Элмер покачал головой.

— Это рядом с океаном, — сказала Беверли. — В скрюченном трейлере у скрюченного моря.

Элмер улыбнулся. Он посмотрел на свои ладони.

— Пойдём, — сказала Беверли.

Дверь в «Zoom-сити» открылась, и появился мужчина с бородой. Босиком. Он кивнул Элмеру, и Элмер кивнул в ответ. Мужчина подошёл к холодильнику.

Через открытую дверь Беверли видела замершую в ожидании железную лошадь.

— Не стоит, — сказал Элмер.

— В скрюченном домишке у скрюченного моря, — сказала Беверли. — Ведь ты сам написал эти слова, сознайся?

— Нет. — Он покачал головой. Взглянул на неё. — Я же говорил, что не я. Почему ты всё повторяешь, что это я написал?

— Потому что мне очень нравятся эти слова. Они прямо для меня написаны.

Он снова улыбнулся.

— Я тебя здесь подожду, — сказала она. — Уже почти пять. Я просто подожду на улице. А после ужина отвезу тебя домой. У Иолы «понтиак».

— Ничего себе! «Понтиак»! Нет уж, спасибо. Ты ещё возрастом не вышла, чтобы меня возить.

— Я отлично вожу, — сказала Беверли. — Буду ждать тебя на улице. Хорошо?

— Как хочешь, — сказал Элмер.

25

Беверли как раз выходила из «Zoom-сити», когда откуда ни возьмись вынырнула миссис Дили и схватила её за руку.

— Для тебя есть хорошая новость, — сказала миссис Дили.

— Отлично, — кивнула Беверли.

— Мне было новое откровение, сейчас всё узнаешь.

На миссис Дили была та же юбка с уточками, что и вчера, но из пучка торчал не один карандаш, а целых три.

— Меня призвали явить истину, — сказала миссис Дили.

— Да-да, — кивнула Беверли. — Вы уже говорили.

Миссис Дили вручила Беверли листок. Ещё больше змей. Несколько молний. И много людей-палочек, танцующих в огне.

— Вот, возьми, — сказала миссис Дили. — Это тебе. А мне пора. В мире много людей, юных людей, которым нужна истина. Истину лучше узнать, пока ты молод.

Миссис Дили подошла к малышу, который только что вскарабкался на лошадь.

— Эге-гей! — окликнула его миссис Дили

Малышу было года четыре. Был он бритый, почти налысо. Рядом стояла его мать. Она сказала:

— Как весело, Джонни, правда? Самый весёлый день в твоей жизни, сынок!

До чего противно, когда детей убеждают, будто им весело.

Лошадь начала мерно покачиваться вверх-вниз.

— Тебе же весело, Джонни? — подсказала мать.

Малыш кивнул. Но не вполне уверенно.

— У меня есть истина для тебя, Джонни. — Миссис Дили протянула малышу свой листок.

Джонни посмотрел на миссис Дили.

— Кто вы? — спросила его мать.

— Я посланник, — ответила миссис Дили.

Открылась дверь в «Zoom-сити». Элмер высунул голову.

— Миссис Дили! — крикнул он. — Оставьте ребёнка в покое!

— Но мне явлена истина, — возразила миссис Дили. — И я призвана передать её людям. Это мой долг.

— Дайте мне, — предложила Беверли.

— У тебя уже есть, — сказала миссис Дили.

— Я передам другу.

— Правда? — Миссис Дили просияла. — Спасибо. Пожалуйста, передай! Это будет замечательно. — Она протянула руку и погладила Джонни по голове.

— Уберите руки, — сказала его мать.

— До свидания, миссис Дили, — громко сказал Элмер. — Большое спасибо.

Он посмотрел на Беверли.

Она замерла.

— Ладно, — сказал он. — Твоя взяла.

— Отлично, — сказала Беверли.

— Я выйду через пару минут.

— Ага, я буду здесь. — Беверли сложила оба листка, полученные от миссис Дили и сунула их в задний карман — к счастливой семейной фотографии мистера Денби.

Потом она стояла и смотрела, как Джонни катается на коняшке.

А он, вцепившись в пластиковые поводья, смотрел на Беверли.

— Как весело, Джонни, — повторяла его мать. — Правда?

Правда, думала Беверли.

Элмер вышел из «Zoom-сити». Через плечо перекинута сумка с книгами.

— Теперь понимаешь про миссис Дили? — сказал он. — А вдруг ребёнок уже умеет читать? Ведь перепугается до чёртиков.

— Эта лошадь сводит меня с ума, — сказала Беверли.

— Эта лошадь, спасибо ей, детей всё-таки радует, — сказал Элмер. — Меня сводит с ума миссис Дили.

Они прошли мимо телефонной будки. Она нестерпимо сияла на жарком солнце. Оба они посмотрели на будку одновременно.

— В скрюченном домишке, — сказал Элмер.

— У скрюченного моря, — сказала Беверли. И широко-широко улыбнулась.

— Что с своим зубом? — спросил Элмер.

— А что не так?

— У тебя отколот передний зуб.

Беве́рли пожала плечами.

— Я маленькая была.

— И что случилось?

— И я убегала от одного из маминых дружков.

Элмер медленно кивнул.

— Почему?

— Потому что он за мной гнался.

— Угу... А почему он за тобой гнался?

— Потому что я взяла его кошелек.

— А-а... — протянул Элмер. — Ну да...

Солнце палило нещадно.

— Я взяла его кошелек, и он понял, что это я взяла, и погнался за мной, аж на улицу выскочил и давай орать: «Девчонка сопливая! Верни кошелек!» Он, кстати, был в одних трусах. Картина маслом. Я улепётывала со всех ног, а потом споткнулась, упала лицом об асфальт и сломала зуб. После этого мама перестала с ним встречаться. Или наоборот — он перестал с ней встречаться. Потому что я там под ногами мешалась. Сопливая девчонка.

— Мерзкий тип, — сказал Элмер.

— Да ладно. Без разницы. Мне было по барабану.

Мимо летели машины. Они рокотали, как океан. Или океан рокотал, как машины. Не отличишь. Над их головами пролетел самолёт, волоча транспарант: «КАЖДЫЙ ЧАС — СЧАСТЛИВЫЙ».

Они разом посмотрели вверх.

— Уеду отсюда без оглядки, — сказал Элмер.

— Помню, — отозвалась Беве́рли. — В Нью-Гэмпшир.

— В Нью-Гэмпшир, — повторил Элмер.

— Хочешь убежать от Джерома?

— Нет, — сказал Элмер. — Джеромы в этом мире везде, куда от них денешься?

— Почему ты с ним не дрался? Почему не сопротивлялся?

Элмер пожал плечами.

— Я бы выбила из него весь этот сволочизм, — сказала Беверли. — Может, ещё и выбью. На днях.

— Не все такие, как ты. — Элмер перевесил сумку с книгами на другое плечо. — Не все едят клей и крадут кошельки.

Беверли засмеялась.

— Добрались! — Она кивнула на указатель. — Мы в фургонном парке «У морского конька».

Она повела Элмера по белой ракушечной дороге к маленькому розовому трейлеру.

26

Иола стояла снаружи.

— Привет, привет! — Улыбаясь, она направилась напрямик к Элмеру. — Значит, ты друг Беверли. Ты Элмер.

— Да, мэм. — Элмер пожал протянутую ему руку.

— Я Иола Дженкинс.

— Как поживаете? — спросил он.

— Хорошо поживаю, — ответила Иола. — Боже, какой ты верзила. Танцевать умеешь?

— Не совсем... То есть... я не пробовал. Не знаю, как надо.

— Хочешь, научу? — спросила Иола. — Завтра вечером в Доме ветеранов танцы-шманцы. Пойдём втроём.

— Иола... — начала Беверли.

— Тсс, — сказала Иола. — Пусть мальчик решит сам. — Она вытащила из кармана рекламный флаер, отдала Элмеру и пропела: — Та-да-дам!

— «Рождество в июле», — прочитал Элмер и поднял глаза на Иолу: — Но сейчас август.

— Ну, ты подумай насчет танцев. — Иола похлопала его по руке, забрала флаер, сложила и сунула обратно в карман. — Заходите, оба. Я сделала бутерброды с тунцом. И горох.

Они вошли в трейлер, Беверли с Элмером пристроились за столиком. Иола поставила перед Элмером бутерброд.

— Спасибо, — сказал он.

Иола поставила на стол ещё две тарелки с бутербродами — для Беверли и для себя. И наделила каждого порцией гороха.

— Подвинься чуток, девонька. — Отдуваясь, Иола уселась рядом с Беверли, улыбнулась через стол Элмеру и сказала: — Обычно-то нас за этим столом только двое, я да она. А пока она не появилась, я вообще тут одна куковала. Но сейчас нас трое. Трое нас. Это хорошо. Мне нравится, когда нас становится больше, а не меньше. Правда же хорошо?

— Да, мэм, — сказал Элмер.

Кот прошёл через кухню, задрал хвост.

— Это Сон, — пояснила Иола.

— Я уж понял, — отозвался Элмер. — Наслышан.

— Смотри-смотри, — шепнула Беверли.

Сон вскочил на холодильник и повернулся к ним спиной. Его хвост начал подёргиваться. Сам он уставился на стену.

— Куда он смотрит? — спросил Элмер.

— Дверцу ищет, — сказала Беверли.

— В другой мир, — добавил Элмер.

— Именно. — Беверли непроизвольно улыбнулась. Ей всегда хотелось улыбаться Элмеру. Тут уж ничего не поделаешь.

— Какой ещё другой? — забеспокоилась Иола. — Есть только этот мир. И Сон пока никуда отсюда не собирается.

— Откуда у него такое имя? — спросил Элмер.

— Стишок помнишь? Жмурка, Моргалка и Сон, — сказала Иола. — Они ещё в деревянном башмаке уплыли.

— Помню, — сказал Элмер. — А остальные где?

— Остальных больше нет. Раньше тут жили и Жмурка, и Моргалка. Теперь только Сон. Это и называется старость: сидишь, наблюдаешь за всеми людьми и всеми кошками и всеми собаками — господи, да за всем и всеми на свете! — а они идут мимо, мимо... и исчезают без следа. А ты пока остаёшься.

«Да, — подумала Беверли, — так и есть».

Иола посмотрела на свои ладони, а потом снова на Беверли с Элмером:

— Остаёшься и ходишь на танцы при каждом удобном случае.

— Хватит уже про танцы! — Беверли нахмурилась.

— Я пойду на танцы, — вдруг сказал Элмер.

— Что? — Беверли не поверила своим ушам.

Элмер пожал плечами.

— Я пойду, — повторил он.

— Мы все пойдём! Втроём! — Иола захлопала в ладоши. — Славно-то как!

После ужина они вышли на крыльцо — играть в карты. Соревнуясь с шумом океана, застрекотали сверчки.

Беверли закрыла глаза. Почему-то вспомнился самолётик с транспарантом «КАЖДЫЙ ЧАС — СЧАСТЛИВЫЙ». Ещё вспомнилось, как Элмер сказал, что готов уехать без оглядки. И тут же — хотя мир вокруг звучал на разные голоса — ей стало одиноко.

Беверли открыла глаза.

— Элмер уезжает, — сказала она Иоле. — В Дартмут.

— Это правда? — спросила Иола. — Так, а где твой Дартмут?

— В Нью-Гэмпшире, — сказал Элмер.

— Он хочет стать инженером, — сказала Беверли. — Но на самом деле любит искусство.

Элмер пожал плечами.

— Мне нравится смотреть на картины. И рисовать люблю. — Он зарделся. — Рисую я не ахти, но мне нравится.

— Ой, а напиши мой портрет! — воскликнула Иола, отложив карты. — Всю жизнь мечтаю, чтобы кто-нибудь мой портрет сделал. Масляными красками.

— Красками я не умею, — сказал Элмер. — Я просто рисую. Карандашом, углём.

— И так можно! — не сдавалась Иола. — Ты, главное, нарисуй меня молодой, а чем — неважно. Погоди-ка. — Она ушла в трейлер и через минуту вернулась с чёрно-белой фотографией в серебряной рамке.

— Это я! В день свадьбы. А это Томми, мой муж. Это я, — повторила она. — Веришь? Можно меня узнать?

Беверли посмотрела на юную улыбающуюся Иолу.

— Красивая, — сказала она.

— Разве в этом дело? — фыркнула Иола. — Счастливая я тут, вот и всё. Я любила Томми, а он любил меня. Знаешь, как мы познакомились? Мы играли вместе в спектакле. Мне было шесть лет, а ему семь. Он играл Солнце, а я Луну. Представляешь? Солнце и Луна. Нас поднимали на верёвках, высоко-высоко над сценой. Сначала Солнце всходило, потом заходило. Это был Томми. А потом всходила Луна, и это была я. Сначала Солнце, потом Луна. Я до сих пор помню свою роль: «О, мир в моём пятнистом свете!»

— А у Томми какой был текст? — спросил Элмер.

— «Сияю я весь день. И свет мой ясен. Мой свет правдив и смел, мой свет прекрасен!» — произнесла Иола. — Так и было. Он такой и был. Хороший человек. И хороший танцор! О, как он танцевал! В наше время все умели танцевать.

— Так вы хотите, чтобы я вас нарисовал? — спросил Элмер. — Я могу. Прямо сейчас.

— Сейчас? — Иола растерялась. — Такую, как я сейчас? Или такую, как тогда?

— Обеих, — сказал Элмер. — Если хотите.

Он встал, взял свою сумку и вытащил блокнот и карандаш.

— Сядьте около лампы, — попросил он Иолу. — И постарайтесь не шевелиться.

Сон вышел из кухни, запрыгнул на колени к Беверли и свернулся в пушистый ком.

— Глупый кот. — Беверли провела ладонью по маленькой голове и костлявой спине.

Сон замурлыкал.

Элмер посмотрел на Иолу, затем на бумагу, а затем снова на Иолу. Мотыльки бились о жалюзи на крыльце, пытаясь проникнуть внутрь, поближе к свету.

— Я тебя тоже мог бы нарисовать, — сказал Элмер, не глядя на Беверли. — Если захочешь.

Сон замурлыкал громче.

— Вот ещё, — сказала Беверли. — Зачем меня рисовать?

— О деточка! — воскликнула Иола. — Как прекрасно будет поставить тут твой портрет!

Элмер оторвал взгляд от блокнота. Он посмотрел на Беверли. И отвернулся.

Он улыбался.

27

Потом Беверли и Элмер спустились на пляж.

И сели на песок. Элмер сидел совсем близко, касаясь её локтем.

— Она так радуется, — сказала Беверли.

— Это хорошо, — отозвался Элмер. — Хотя рисунок не очень...

— Я не только про рисунок, — сказала Беверли. — Вообще. Что мы там с ней были.

— Мы? — повторил Элмер.

Он лёг на спину, сцепив ладони под головой.

— Мы, — сказала Беверли. — Ты и я. Элмер и Беверли. Беверли и Элмер. В любом порядке.

— Солнце и Луна?

— Ага, — сказала Беверли и тоже легла на песок.

На небе были звёзды — немного, но благодаря им верилось, что среди всей этой тьмы где-то есть свет, яркий свет. Ещё там висел тусклый месяц.

— У меня есть подруга, которая однажды исчезла, — сама не зная почему, сказала вдруг Беверли. — Её зовут Луизиана Элефанте, она жила с бабушкой, а несколько лет назад они обе просто исчезли.

— Как исчезли? — спросил Элмер.

— Так. Были и нету. Мы стали её искать. Я и ещё одна наша подруга, Райми.

Имя Райми, произнесённое вслух, звучало как-то странно.

И Беверли снова сказала:

— Райми.

— Райми, — повторил Элмер.

— Да, моя самая близкая подруга. Мы с Райми пошли в дом, где жили Луизиана и её бабушка, и там было пусто. Только наши голоса эхом от стен отскакивают. Вообще-то там всегда было пусто — они без мебели жили. Но теперь это «пусто» было другим. Сразу чувствовалось, что их нет и не будет, понимаешь? Было ужасно ходить по дому, искать и не находить. Никогда не забуду.

— Что с ней случилось?

— Она сейчас в Джорджии, — сказала Беверли. — У неё теперь есть семья.

Элмер ничего не сказал. Она слышала, как он дышит. Даже сквозь грохот прибоя она слышала, как дышит Элмер.

— А у тебя есть семья? — спросил он.

— Раньше у меня была собака. Дружок. Из приюта. Мы втроём — я, Луизиана и Райми — его спасли. Теперь Дружок умер. Я его похоронила на заднем дворе и приехала сюда, потому что... такая пустота... нестерпимая.

— А как же мама? — спросил Элмер.

— Что «как же мама»?

— Она знает, где ты?

- Я ей позвонила. Сказала, что со мной всё в порядке.
- Ты вернёшься домой? — спросил Элмер.
- Не знаю.
- Мои родители очень рады, что я получил эту стипендию в Дартмуте, — сказал Элмер. — И рады, что я смогу дальше учиться. Но мама всё время плачет.
- Потому что ты уезжаешь?
- Да, — сказал Элмер. — Я для неё малыш.
- Понятно. Ну, у меня другой случай. Я для мамы никто. Она без меня прекрасно обходится.
- Спорим, не прекрасно?
- Всё равно она целыми днями пьяная. Даже не замечает, дома я или ушла.
- Спорим, замечает?
- Сомневаюсь, — сказала Беверли. — У меня на работе есть женщина, повариха, Дорис зовут. Она за мной приглядывает. Следит, чтобы Фредди, официантка наша, со мной чаевыми делилась. И ещё Дорис всё время твердит про справедливость. Любимое слово у неё. Я про это думала, только в жизни справедливости нет, как ни старайся.
- Элмер повернул голову, посмотрел на неё.
- Верно, — сказал он. — Но, по-моему, сдаваться нельзя, надо добиваться справедливости, разве нет? Иначе какой смысл вообще жить? — Он повернул голову и посмотрел на небо. — Я вижу звёзды.
- Да, — сказала Беверли. — Я тоже вижу.
- Звёзды — такие рыбёшки-селёдки, что плещутся в синих волнах, — сказал Элмер.
- Сам придумал?
- Нет, это из стишка про Жмурку, Моргалку и Сон.
- А остальное помнишь?

— «Закидывай сети хоть вдаль, хоть близ — мы улизнём без труда!» И ещё оттуда строка: «"Куда вы идёте? Куда и зачем?" — спросила старушка-луна». Целиком не помню, только кусочки.

— Когда умер Дружок, когда мы его похоронили, мы читали стихи. Райми сказала, что так надо. Про «земные грубые оковы». Ты знаешь такой стих?

— Знаю, да. Мне нравится. Я люблю стихи. Сам не пишу, но поэзия мне очень нравится. Конечно, парням любить стихи вроде как не пристало. А то какой-нибудь Джером услышит, да и примется из тебя эту дурь выбивать. Мол, сосунок ты или вообще девчонка. — Элмер резко сел. И крикнул: — Я люблю стихи!

Он повернулся к Беверли. Он улыбался. Его зубы белели в темноте.

— Кричать помогает, — сказал он. — Ты тоже попробуй. Кричи правду о самом главном.

Беверли села. Про стихи она кричать не собиралась, потому что не была так уж уверена, что она их любит. Какую же главную правду прокричать? Правда в том, что она скучает. По Дружку. По Райми. По Луизиане. И она закричала:

— Я по всем скучаю!

А потом ещё крикнула:

— Я скучаю по папе!

Было странно: говорить, даже кричать об этом. Признавать это.

— Где он? — спросил Элмер. — Где твой папа?

— Ушёл, — сказала Беверли. — Я не знаю, где он. В Нью-Йорке. По крайней мере, когда я что-то о нём знала, он был в Нью-Йорке. Страхнул земные грубые оковы.

— Старые добрые оковы... — Элмер снова улёгся на песок. — Знаешь, что мне сказал уборщик?

— Какой уборщик?

— Мистер Еровский. Который орал на меня по-польски, когда я, весь в клейкой ленте, вывалился из его шкафа со швабрами. Когда он проорался и стал отклеивать скотч, у него руки дрожали. Он плакал и повторял: «Быстро, быстро. Я дергать быстро. Больно не так быстро». Я хотел сказать ему, что всё в порядке, что я потерплю. Но не мог ни слова выдать. А он всё плакал и повторял: «Прости, я не хочу делать больно. Я не хочу делать больно». Говорил снова и снова. — Элмер покачал головой. — Он плакал. И я плакал.

Беве́рли схватила Элмера за руку. И тут же отпустила. Просто сжала и сразу отпустила.

— Как там было про селёдок? — спросила она.

— «Звёзды — такие рыбёшки-селёдки, что плещутся в синих волнах».

— Звезды — селёдки? — сказала Беве́рли. — Несусветная глупость.

— Почти всё в жизни несусветная глупость, — сказал Элмер. — Кстати, ты на танцы-то хочешь пойти?

— Конечно, — сказала Беве́рли. — Может, мы даже выиграем самую большую в мире индейку.

— Запросто, — сказал Элмер.

Беве́рли сидела, обхватив руками колени, и смотрела на звёзды. Или на селёдок? А они посверкивали там, в небе.

— А как там было про сети? — спросила она. — Скажи ещё раз?

Но Элмер не ответил. Она посмотрела на него. Он спал.

— Наверно, так: забрасывай сети, куда захочешь, — сказала она. — Нет, не так. Не бойся забрасывать сети, и однажды ты поймает селёдок, которые будут сверкать, как звёзды.

Она легла рядом с Элмером.

Она слушала океан, слушала, как дышит Элмер. Песок был ещё тёплым.

Когда на следующий день Беверли добралась до «Моречка», на парадной двери висела табличка:

*К сожалению, у нас небольшие проблемы и мы сегодня закрыты.
Завтра вас будет ждать самая вкусная рыба из моречка!
Приходите!*

Беверли подёргала. Заперто. Беверли обошла здание. Дверь кухни была подоткнута куском цемента, а Дорис с Чарльзом сидели на высоких табуретах за металлическим столом.

Они играли в карты. На полу стоял маленький вентилятор из кабинета мистера Денби, стоял и вращал башкой, словно что-то искал.

— Привет, — сказала Беверли.

— Привет, тётя Беверли, — сказала Дорис.

Чарльз промолчал, но кивнул. Его зелёная вязаная шапка была накинута на глаза.

— Что происходит? — спросила Беверли.

— Мы бастуем, — сказала Дорис.

— Что значит «бастуем»?

— Слово «забастовка» слышала?

— Слышала. Но мы-то почему бастуем?

— А сама не понимаешь? — спросила Дорис. — За справедливость боремся. Чтобы всё по-честному. Чтобы чаевые поровну. И зарплата получше. Короче, пока всё не переменится, я не готовлю рыбу, а Чарльз не моет посуду.

— Всё должно измениться, — сказал Чарльз.
— Во-во, — сказала Дорис. — А как этого добиться?
— Бастовать, — сказал Чарльз.
— Правильно, — сказала Дорис.
— Где мистер Денби? — спросила Беверли.
— Да в офисе небось! Обхватил голову руками и сидит, думает: «Как же мне выпутаться?» Только знаешь что? Ему не выпутаться. Слишком поздно.

Дорис хлопнула обеими руками по металлическому столу, и всё в кухне вздрогнуло — вплоть до пола.

— Настало время перемен, — объявила Дорис.
В кухню вошла Фредди. Уперев руки в боки, она сказала:
— Что ж вы жизнь-то всем портите?!
— Тебе виднее, — процедила Дорис и принялась тасовать карты.
— Так нельзя, — продолжила Фредди.
— В карты играешь? — спросила Дорис Беверли.
— Конечно, — ответила Беверли.
— Тогда подсаживайся.
— Не играй с ними, — сказала Фредди. — Ты ещё можешь стать официанткой. И даже моделью. Ты можешь стать Живой Дарлин.
— Я не хочу быть Живой Дарлин, — сказала Беверли.
— Кто такая Дарлин? — спросил Чарльз.
— Знаменитость, — сказала Фредди. — Не то что некоторые.
— Подумаешь, знаменитость. Мало ли кто чем прославился. — Чарльз поправил свою вязаную шапку. — Если тебя интересует моё мнение...

— Не интересует, — отрезала Фредди. — Да что ты про жизнь-то знаешь? Ахах, футболистом он был! И что с того?

Дорис начала сдавать карты. Фредди сказала:

— Бред какой-то.

Тут вошёл мистер Денби. Усы набекрень. Волосы торчком.

— Что у нас дальше? — спросил он. — Готовы ли мы приготовить рыбу?

— Нет, — отрезала Дорис. — Не готовы.

Мистер Денби положил ладони себе на макушку и сильно толкнул голову вниз, словно пытался вжать её в плечи. Чтобы не оторвалась ненароком.

— У меня трое детей, — сказал он.

— И что? — Дорис выложила карту на стол. — Я пятерых подняла. У меня шестнадцать внуков.

— Во что играем? — спросила Беверли.

— В покер, — ответила Дорис.

— Я тружусь, чтобы мир стал лучше и не обижал моих детей, — сказал мистер Денби.

— Ах вот как! — воскликнула Дорис. — А вы потрудитесь, чтобы мир стал лучше для всех. Мне нужны оплаченные больничные. Хотя какая-то страховка. Я устала получать деньги под столом.

— Я тоже хочу, чтобы мир стал лучше для всех, — сказала Фредди. Дорис фыркнула.

Мистер Денби обошёл кухню. Он то дёргал себя за волосы, то вколачивал голову в плечи. Приподняв крышку, он заглянул в сковороду для жарки рыбы.

— Ты с этим умеешь управляться? — спросил он.

— Уж небось, — сказала Дорис.

— Я не с вами разговариваю, — сказал мистер Денби.

— Отлично, — сказала Дорис. — Я тоже не с вами.

— Мистер Денби, я сегодня, ясное дело, без чаевых, — сказала Фредди. — Но на работу-то я вышла. Вы мне за выход заплатите?

— С какой стати? — сказал мистер Денби. — За что платить? Вы не работаете. А мне троих детей кормить надо. Моя жена со мной не разговаривает. Почему? Так сложилось, сложно объяснить. Случается иногда такое, что другим людям с полпинка не объяснить. Да и себе тоже. А детям и подавно. И пробовать нечего. В общем, иногда всё выходит из-под контроля. — Мистер Денби положил ладони на голову и втолкнул её в плечи.

— Именно, — сказала Дорис.

Беверли вспомнила фотографию мистера Денби с семьёй на Рождество. Всё это ложь. И шляпы Санты, и эти улыбки во весь рот. Счастье — ложь.

— Мистер Денби, — сказала Фредди, — я коплю деньги, чтобы переехать в Голливуд. Там моя судьба. Если вы не намерены платить, я буду искать другую работу.

— Ищи. — Мистер Денби убрал руки с макушки и принялся вертеть краны гигантской плиты.

— Но, мистер Денби, я ваша лучшая официантка!

— Ты единственная официантка, — уточнила Дорис. — Мистер Денби, оставьте краники в покое, вы же в этом не смыслите! Отправьте нас всех на тот свет. Так вот. Мне надоело, что меня за дуру тут держат. Я знаю, что этот ресторан делает хорошие деньги. Так что идите к себе в офис, берите счётную машинку и кумекайте, как сделать, чтобы нам на прожитьё хватало и чтоб зарплата шла белая, тогда хоть какие-то гарантии будут. Договорчики с нами подпишите.

— Правильно, — сказал мистер Денби. — Хорошо.

Он наклонился, отключил вентилятор и взял его в руки.

— Вентилятор тут оставьте, — велела Дорис.

— Правильно. — Мистер Денби снова включил вентилятор. Потом он выпрямился, положил ладони на макушку и вышел из кухни.

— Ужас, — сказала Фредди. — Со мной никогда такого ужаса не случилось.

Чарльз покачал головой:

— Это разве ужас? Это ничто.

Беверли придвинула табурет к столу. И взяла свои карты. Фредди повернулась к Беверли:

— Тебе нельзя с ними оставаться.

— Можно, — сказала Беверли. — Я останусь.

— А я нет, — сказала Фредди.

— Ну и ладно, — сказал Чарльз.

— Ну и ладно, — сказала Дорис.

— Ну и ладно, — сказала Беверли.

Фредди ушла, а у открытой задней двери появилась чайка и принялась рассматривать троих картёжников глазками-бусинками. Дорис сказала:

— Ты понимаешь, что мы с Чарльзом никуда отсюда не денемся? Будем торчать на кухне, пока мистер Денби не сдастся. Останемся тут на ночь, если потребуется.

— Ночевать тут будете? — спросила Беверли.

— Хоть десять ночей, — сказала Дорис. — Тут зато еды полно. Рыбы куча.

Фредди прибежала обратно на кухню:

— Бросьте! Это не сработает. Он наймёт других людей. И рыбу жарить, и посуду мыть. Незаменимых нет.

— Шагу отсюда не сделаю, — сказала Дорис.

— Ты-то хоть не сиди тут, — сказала Фредди Беверли. — Ничего не переменится. Не на ту лошадь ставишь.

— Я остаюсь, — сказала Беверли.

Фредди снова вышла из кухни.

— Она вернётся, — сказал Чарльз. — Такие, как она, всегда туда-сюда бегают.

Дорис вздохнула:

— А то я не знаю.

Чайка покрутила головой. Она размышляла. Потом припрыгала ближе к порогу.

— Не вздумай! — крикнула Дорис, даже не глядя в сторону чайки, и ударила кулаком по металлическому столу. — Даже не вздумай.

Чайка отскочила.

— Мы играем в пятикарточный дро-покер, — сказала Дорис.

— Хорошо, — сказала Беверли.

Спустя пять минут Фредди вернулась:

— Мы хозяева своей судьбы, мы сами за себя отвечаем, так?

— Именно, — сказала Дорис.

— Дорис, я не с тобой говорю. Я говорю с Беверли. Вот не думала, что ты такая предательница. Да если б не я, ты бы тут вообще не работала. И бейдж этот я для тебя сделала.

Беверли пожала плечами.

— Ты моё имя неправильно написала, — сказала она. — А в чём предательство? Я просто сижу здесь, в покер играю.

— Предательница, — повторила Фредди. И снова ушла.

Беверли уставилась на свои карты. На надменное, презрительное лицо бубновой королевы.

Похожа на ангела с той картины.

За открытой дверью, за чайкой, за мусорными контейнерами, за гостиницами виднелась полоска океана. Яркая, сверкающая полоска. Синяя-синяя.

Не лазурная, как лазурит.

Но вполне яркая.

Внезапно Беверли поняла, что находится там, где она хочет и должна быть.

Дорис постучала по столу:

— Твоя очередь, тётя Беверли. Не зевай.

29

Беверли просидела в «Моречке» бóльшую часть дня, а потом отправилась в «Zoom-сити», к Элмеру.

— Похоже, работы у меня больше нет, — сказала она. — По-хорошему мне надо сейчас быть на кухне с Дорис и Чарльзом. Я прямо чувствую, что надо бастовать вместе с ними. Но я должна отвезти Иолу на танцы. Я же обещала.

Они шли по обочине шоссе A1A. К Иоле.

Элмер перекинул пиджак через плечо.

— По-хорошему тебе надо вернуться домой, — сказал Элмер.

— Ну? А мы-то куда идём?

— Нет, — сказал Элмер. — Я про твой настоящий дом. Надо вернуться домой.

— Не хочу.

— А как же школа?

— При чём тут школа?

— Скоро начнётся учебный год. Ты должна доучиться. Аттестат получить.

— Чтобы поступить в колледж? — сказала Беверли. — На полную стипендию? В Дартмут?

Элмер пожал плечами.

— Может, и так.

— Нет. Не может.

— В жизни всякое случается. Даже непредвиденное, — сказал Элмер.

— Вот-вот, — сказала Беверли. — Очень часто.

Иола ждала их снаружи. Она принарядилась для танцев: платье в цветочек и зелёные туфли. И щёки нарумянила.

Элмер сказал:

— Прекрасно выглядите, миссис Дженкинс.

— А ты с пиджаком! — воскликнула Иола.

— Да, и вот ещё, посмотрите! — Он вытащил из сумки с книгами полосатый галстук.

— Ты принёс галстук!

— Мы же на танцы собрались? Надо одеться правильно.

Он достал из сумки листок бумаги и протянул Беверли:

— Держи.

— Что это?

— Портрет. Твой. Вот.

Беверли взглянула на портрет. Себя она не узнала. Она понимала, что это она, но поверить в такую бессмыслицу было невозможно.

— Только посмотри! — ахнула Иола. — Ты такая красавица.

— Спасибо. — Беверли посмотрела на Элмера, а потом снова вниз, на портрет. Она отчего-то разозлилась. Сама не понимала отчего. Она сложила лист пополам.

— Ты что, милая?! — возмутилась Иола. — Нельзя так делать, портрет испортишь.

— Да ладно, — сказал Элмер. Он ужасно покраснел. — Мне всё равно.

— Дай-ка мне, — сказала Иола.

Беверли отдала листок Иоле, и та принялась разглаживать складку. Руки у неё дрожали.

— Да ладно, это неважно, — сказал Элмер.

— Очень важно, — возразила Иола.

— Ну что, поехали? — сказала Беверли. — Там ведь в пять начало? Поехали на ваши дурацкие танцы.

Беверли вела «понтиак».

Иола сидела впереди, а Элмер сзади, в пиджаке, скрестив руки на полосатом галстуке.

— Ой, волнуюсь я, — сказала Иола. — Сердце бьётся часто-часто. Вот бы выиграть индейку!

Беверли посмотрела на Элмера в зеркало заднего вида. Она подняла брови и улыбнулась. Но он не улыбнулся в ответ.

Когда они добрались до Дома ветеранов, Иола сразу прошла внутрь, лишь, не оглядываясь, бросила:

— Скорее, вы, копуши.

— Прости, что я его сложила, — сказала Беверли Элмеру. — Я про портрет.

— Ладно, — сказал Элмер. — Мне всё равно.

— Я испугалась. Не знаю почему. Я узнала себя и в то же время не узнала.

Элмер покачал головой.

— Прости, — снова сказала Беверли.

Она подняла глаза. Но он смотрел мимо, на буквы «Д», «В».

— Там птицы гнездо свили. — Она кивнула на букву «Д».

— Да, — сказал Элмер. — Вижу.

Он стоял к ней в профиль. Кожа на лице у него была бугристая, натянутая, прыщи там и сям лопнули.

— Больно тебе? — спросила она.

— Ты о чём?

— Лицо болит?

— Да, — сказал он. — Хотя я, разумеется, должен сказать: «Ну что ты? Ничуть! А почему ты спрашиваешь?» А ты скажешь: «Потому что мне даже смотреть на тебя больно».

— Нет, — сказала Беверли. — Наоборот. Я люблю на тебя смотреть.

Минуту Элмер молчал, глядя на буквы. Потом кивнул:

— Да, это больно. Ну и что? Боль можно перетерпеть, она не навечно. Когда-нибудь пройдёт. Так моя мама говорит. Прыщи на лице не бывают всю жизнь, верно?

В этот миг вывеска ожила. Буквы «Д» и «В» внезапно засветились. Беверли посмотрела на них и снова подумала об ангеле. Об ангеле, который пришел и принёс важное известие.

Благовещение.

Элмер говорил, что так картина называется.

«Благовещение».

Ангел пришёл к Марии с благой вестью.

Было сразу понятно, что на картине происходит что-то важное, потому что у ангела были крылья, горевшие синим огнём.

Но в жизни-то как узнать, кто говорит тебе о важном. И о чём именно?

Возможно, буквы «Д», «В» несут благую весть. Возможно, её несут миссис Дили и её картинки. И механическая лошадь тоже пытается сказать что-то важное. И Дорис встретила её в жизни неспроста, это точно.

Может, всё и всех в мире надо рисовать с синими крыльями.

— Где берут лазурит? — спросила Беверли у Элмера.

— Не знаю, — сказал он. — Точно не знаю. Где-нибудь далеко. На Ближнем Востоке, например. Я выясню.

Она взяла его за руку, сжала.

А когда попыталась разжать пальцы, он свои не разжал.

— Нет, — сказал он.

— Беверли! Элмер! — позвала Иола. Она стояла у двери Дома ветеранов и махала им. — Идите танцевать.

— Если честно... — сказала Беверли. — Я не танцую.

— Пойдём, — сказал Элмер.

И Беверли пошла с Элмером. Они держались за руки.

30

Внутри Дома ветеранов было темно, но отовсюду подмигивали гирлянды рождественских огоньков. На сцене стояла ёлка.

Деревянные полы скрипели от каждого шага. Было шумно, многолюдно, все разговаривали и смеялись. Играла музыка, и человек в костюме Санта-Клауса шёл через толпу и кричал: «Хо-хо-хо! Счастливого Рождества!»

На краю карточного стола стояла синяя керамическая миска для билетиков. А рядом был очень длинный стол, застеленный плотной, непромокаемой бумагой. На нём чаша с пуншем, башня бумажных стаканчиков и большое блюдо с кубиками сыра, из каждого торчала цветная зубочистка. После длинного стола с едой стоял ещё один столик, с проигрывателем. Пластинка крутилась, и кто-то пел «Устрой себе праздничек на Рождество».

В помещении клубился табачный дым. Из-за дыма и огни, и ёлка, и люди казались нереальными. Словно смотришь чужой сон.

Иола спросила:

— Кто-нибудь хочет пунша?

— Сейчас принесу, — сказал Элмер.

— О, тут и Фредерик Мортон, — сказала Иола Беверли. — Я его с последних танцев не видела. Скоро вернусь.

— Индейка! Кому индейку! Покупайте билетики! — взывал старичок в синей кепке с красными маками и пачкой лотерейных билетов в руках. — Выиграйте самую большую в мире индейку. И цветок получите в придачу к билету.

— Почём билеты на индейку? — спросила Беверли.

— Пятьдесят центов! Пятьдесят центов — и вы выиграли самую крупную в мире индейку! И красный мак к каждому билету. — У старичка не было зубов. Он улыбался одними дёснами.

— Маков не надо. — Беверли отдала старичку доллар. — Два, пожалуйста.

— Напиши своё имя на обороте каждого билета и брось их туда, в эту синюю миску. — Он вручил ей два билетика. — Это шанс!

— Понятно, — сказала Беверли.

— Ты когда-нибудь сидела в окопах? Знаешь, что это такое?

— Что? — Беверли растерялась.

— Окопы, — сказал старичок. — Я там был. В окопах. Такое вовек не забудешь.

Подошёл Элмер и протянул Беверли стакан с пуншем. На дне что-то плавало.

— Это такая вишенка специальная, мараскинка, — пояснил Элмер.

— Ясно, — сказала Беверли.

— А ты хоть знаешь, что такое окоп? — спросил старичок у Элмера.

— Да, сэр. Я читал.

— То-то. Купи билетик. Или купи мак!

— Давайте. — Элмер вручил старичку доллар, взял мак и, прикрепляя его к пиджаку, проговорил: — «Лишь маки алые трепещут во Фландрии среди крестов...»¹

— Не трудитесь декламировать мне эту чушь, — сказал старик. — Мне девяносто два года. Девяносто два! Не хочу больше слышать это глупое стихотворение, никогда. Я сам там был. — Он ударил кулаком себе в грудь. — Я пережил войну. Я был в этих окопах. Никакими словами это не описать. Даже близко. — Он покачал головой. — А теперь я здесь, в Тамарай-Бич, штат Флорида, продаю билеты на самую большую в мире индейку. Ха-ха-ха. Вот такие коленца выделяет с нами жизнь. И никакого смысла в этой жизни нет. Никакого. — Он улыбнулся, обнажив розовые дёсны.

— Дайте мне два билета, — сказал Элмер.

¹ Начало стихотворения канадского поэта Джона Мак-Крэя, написанного в 1915 году. В англоязычных странах его всегда читают в День поминовения жертв Мировых войн. Неофициальное название этого праздника Маков день, и все носят в петлицах маки, т.к. на полях Фландрии, перепаханных снарядами и залитых кровью солдат, после каждой войны буйно цвели маки. — *Прим. и пер. О. Варшавер.*

— Да, ты доллар дал. Девушке твоей я уже объяснил, что делать: написать своё имя на обороте каждого билета.

— Спасибо, — сказал Элмер.

— Хотите знать, что я понял за свои девяносто два года?

— Хотим, — сказал Элмер.

Старичок приблизился к ним вплотную. И прошептал:

— Ничего я не понял. Ни шиша. Разве что одно: в этом мире всё может случиться. Да. А больше и понимать нечего.

Потом он отвернулся и снова провозгласил:

— Билетики! Лотерея! Купи билет и выиграй самую большую в мире индейку!

Беверли допила пунш и подошла к карточному столу. Там сидела женщина. Она вязала крошечный розовый свитер.

— У вас есть чем писать? — спросила Беверли.

Женщина протянула ей ручку, и Беверли написала на обороте каждого билета «Иола Дженкинс». Она бросила билеты в синюю миску.

— Спасибо, дорогая, — сказала женщина. — Удачи тебе.

Тут за спиной у Беверли появилась Иола. Она хлопала в ладоши и приговаривала:

— Музыканты приехали! Музыканты! Сейчас будут танцы-шманцы.

— Принесла нелёгкая, — пробормотала Беверли.

Группа начала с «Чаттануга Чу-Чу».

Элмер стоял рядом с Беверли. Они смотрели, как Иола танцует с крашеным брюнетом в клетчатом пиджаке.

Потом заиграли песню «Лунная река». Иола подошла, взяла Элмера за руку и сказала:

— Пойдём-ка танцевать вальс, дорогой.

— Я не умею вальс, — сказал Элмер.

— Это проще простого!

— Ладно, — сказал Элмер и, оставив стакан с пуншем на столе, двинулся за Иолой.

А к Беверли подошёл девяностодвухлетний старичок с билетами на индейку. И улыбнулся розовыми дёснами.

— Угадай, сколько мне лет, — предложил он.

— Я знаю, сколько вам лет, — сказала она. — Дайте мне билетов на двадцать долларов.

— На двадцать?

— Нет, — сказала Беверли. — Лучше на сорок.

— Ты хочешь восемьдесят билетов? — спросил он. — Индейка не такая большая.

Он медленно отсчитал билеты и отдал их Беверли. Она вернулась к столику.

Женщина с вязаньем сказала:

— Глядите, кто вернулся!

— Да, — сказала Беверли. — Можно снова одолжить ручку?

— Конечно, — сказала женщина.

Беверли взяла ручку и написала «Иола Дженкинс» ещё восемьдесят раз.

Элмер всё ещё был на танцполе с Иолой. В зале пахло табачным дымом, духами и океаном, потому что на Тамарай-Бич всё пахнет океаном.

Беверли поняла вдруг, что счастлива. Счастлива, как никогда прежде.

Почему? Глупо же.

Но она была счастлива.

Жаль только, что рядом, в Доме ветеранов, нет Райми. И Луизианы. Луизиана любит повеселиться.

Беве́рли посмотре́ла вверх, в узкое окно над головой женщины с вязаньем. Она почти ожидала увидеть голые ветви, падающий снег.

Вместо этого она увидела сверкающую букву В и... крылья!

Её сердце на миг замерло, позабыв биться.

За окном была птица, она несла что-то в клюве. Она возвращалась домой, в гнездо.

31

Беве́рли так много раз написала имя Иолы, что у неё даже рука затекла.

«Иола Дженкинс. Иола Дженкинс. Иола Дженкинс».

Однажды в третьем классе Беве́рли ударила по носу Тинслу Амос. Тинсла была из тех девочек, которые всё всегда делают правильно и никогда не преминут любезно указать, что все вокруг всё делают неправильно. Волосы у Тинслы сияли. Золотые волосы.

Дать ей по носу оказалось приятно.

Было много крови, а Беве́рли отказалась извиняться, поэтому миссис Фенстеп оставила её после уроков писать на доске:

Я поступила плохо, и мне стыдно.

Она написала это предложение на доске двести раз, но даже после этого не сожалела о содеянном.

— Надеюсь, тебе действительно стыдно, — сказала миссис Фенстеп, когда Беве́рли закончила.

— Не-а, — ответила Беве́рли.

Пришлось писать на доске «Мне действительно стыдно» ещё пятьсот раз.

В сравнении с этим написать имя Иолы восемьдесят раз — легкотня.

Раз плюнуть.

Писать имя Иолы ей в радость.

Хотя музыканты играли очень громко, Беверли вдруг услышала другую мелодию — слабую, далёкую. Вроде пения ангелов. Она отложила ручку.

Беверли стояла не шевелясь, а потом поняла, что звуки доносятся из проигрывателя. Пластинка ещё крутилась. Хор пел «Ангелы поют нам с высоты».

Счастье внутри Беверли росло, ширилось.

Как только она дописала имя Иолы на последнем билете, рядом с ней появилась сама Иола. Запыхавшаяся, покрасневшая. Она сказала:

— Пора танцевать, дорогая.

— Нет, — отозвалась Беверли. — Не пора.

— Я научила Элмера, а он теперь научит тебя.

— Нет, — сказала Беверли.

— Да! — сказала Иола. — Ты не пожалеешь. Обещаю!

Беверли встала.

И тут появился Элмер.

— Вот и ты, — сказала ему Иола. — А вот она. Вот твоя Беверли.

— Я не его Беверли. И я не хочу танцевать.

— Давай я сначала расскажу тебе, как это делается, — предложил Элмер. — Это несложно. Главное считать. Ты же умеешь считать, верно?

— Ха-ха, — сказала Беверли.

Элмер положил руку ей на талию.

— Так можно? — спросил он.

— Конечно, можно, — сказала Иола. — Нельзя танцевать, не дотрагиваясь друг до друга. Ты ей, главное, квадрат покажи. Для начала.

Элмер отвёл Беверли в сторонку.

— Смотри, — сказал он. — Представь, что на полу нарисован квадрат. Вернее, мы сейчас будем рисовать этот квадрат вместе, каждый шаг — сторонка квадрата. Следи за моими ногами.

Он шагнул с правой ноги, приставил левую. И двинулся дальше, считая вслух.

— Четыре стороны квадрата, — сказал он. — Непременно надо считать.

Элмер снова сделал квадрат. И считал вслух. Пол поскрипывал у него под ногами. В воздухе густился дым.

— Теперь ты, — сказал Элмер.

Беверли посмотрела на свои ноги. Прошла по всем сторонкам квадрата. Считать она не стала.

— Хорошо, — сказал Элмер. — Теперь попробуем вместе. И...

Он притянул её ближе и начал считать в самое её ухо:

— И раз-два-три, и раз-два-три...

Она послушно двигалась в такт.

— Хорошо, — сказал он. — Молодец.

Она посмотрела на него, а затем мимо его лица, в окно. Над Домом ветеранов висела луна.

— Там луна, — сказала она.

— Я знаю, — сказал Элмер. — Я её видел. «О мир в моём пятнистом свете!» Так она говорила?

Внезапно Беверли поняла, что сейчас заплачет. Она наклонила голову, а Элмер притянул её ближе. Его рубашка пахла мылом и потом. Она чувствовала, как бьётся его сердце.

— Вот и вся наука, — сказал Элмер. — У тебя отлично получается. И раз-два-три.

Она прижалась головой к его груди. И слушала стук его сердца.

— Можешь больше не считать, — сказала она. — Я поняла. Я всё поняла.

Элмер всё равно продолжал считать.

32

— Счастлив объявить, что самую большую в мире индейку получает... Иола Дженкинс! Иола, вы тут, с нами? — Вытянув выигрышный билет из миски, мужчина в костюме Санты осматривал зал.

— Господи! — Иола вскрикнула и замахала руками. — Это я! Я Иола Дженкинс, здесь я, конечно, здесь!

Позже — намного позже, — когда опустела чаша с пуншем, смолк проигрыватель и музыканты, собрав инструменты, ушли домой, Элмер вынес индейку из Дома ветеранов и уложил её на заднее сиденье «понтиака».

— Пожалуй, это и в самом деле самая большая индейка в мире. — Он тяжело дышал. — Еле дотащил.

Они уселись в машину: Беверли — за руль, Иола — впереди рядом с ней, а Элмер — сзади, с индейкой. По дороге Иола несколько раз подряд тихонько пропела «Устрой себе праздничек на Рождество», а потом сказала:

— Теперь вы, дети, умеете танцевать. Это что-то!

— Это что-то, — подтвердила Беверли.

— Только представь, — начала Иола и похлопала Беверли по ноге. — Представь, ты бы не набрела на мой трейлер. Представь, я бы могла сама водить «понтиак». Тогда мы бы не подружились. И ты бы

сейчас не умела танцевать. Ой, как же я рада, что ты мне оказалась нужна. А я тебе!

— Да вы-то мне... не особо... — возразила Беверли.

— Я тебе нужна, дорогая, — сказала Иола. — Даже очень.

— Конечно, нужна, не спорь, — сказал Элмер с заднего сиденья.

— Ладно, — сказала Беверли. — Вам всем виднее.

Когда они добрались до «Морского конька», Элмер достал индейку с заднего сиденья и потащил в трейлер.

— Я надеюсь, самая большая в мире индейка пролезет в дверь этого крошечного трейлера, — сказал он.

Но тут Иола крикнула ему вслед:

— Погоди, сынок!

— А чего годить? — Элмер обернулся, держа в руках индейку.

— Ну, я просто подумала: куда я эту птицу дену? Она же в холодильник не поместится.

— Давайте проверим. — Элмер начал подниматься по лестнице.

— Нет-нет, дорогой. Не беспокойся. Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что я права. Эту индейку туда не втиснуть. Уж свой-то холодильник я знаю. И духовку свою знаю. Духовка крошечная.

— Хорошенькое дело, — сказал Элмер отдуваясь. — Решайте скорее, куда нести. Она тяжеленная.

— Положи на ступеньки, — сказала Беверли.

— Как на ступеньки? — воскликнула Иола. — На ступеньки нельзя! Еноты съедят!

— Я её уроню сейчас! — Элмер засмеялся.

— Не смейся, даже не вздумай! — закричала Иола и тоже расхохоталась.

Беверли засмеялась вместе с ними.

— О нет, о нет... — Элмер смеялся и никак не мог остановиться. Кое-как поднявшись по лестнице, он уткнулся головой в дверь. — Ой, не могу, — повторял он.

— И-и-и-и, — тоненько поскуливала Иола.

— Элмер, — сказала Беверли.

Он повернулся и посмотрел на неё. Индейка выскользнула у него из рук, проскакала вниз по ступенькам и приземлилась в траву.

Иола взвизгнула. Она держалась одной рукой за шезлонг, другой за живот и хохотала, хохотала.

Индейка замерла — словно уселась — у подножия лестницы, а Элмер стоял наверху, смеясь до икоты. Его галстук сбился набок, рубашка расстегнулась. Но лицо падал лунный свет.

— Это, — выдавил он, — самый тяжёлый в мире... индюк.

Беверли плюхнулась на землю и смеялась, смеялась... до слёз.

В соседнем трейлере зажёгся свет. Открылась дверь.

Рыжие волосы Морин были накручены на бигуди. На ней была ночная рубашка.

— Что происходит? — крикнула она. — Иола?

— И-и-и-и, — скулила Иола.

— Самая большая индейка на свете не проходит в дверь. — Элмер кивнул на индейку, на дверь трейлера и снова начал смеяться.

— Мне что, позвонить в полицию? — спросила Морин.

— Нет-нет-нет! — Иола выпрямилась и стёрла со щёк слёзы. — Просто очень смешно. Я выиграла индейку в Доме ветеранов, но у нас нет места, она слишком большая, не помещается.

— Не влезает, — подхватил Элмер.

Морин стояла, уперев руки в боки.

— Сейчас одиннадцать сорок семь, — сказала она. — Почти полночь.

— Неужели? — сказала Иола.

— Приличные люди спят, — сказала Морин.
— Мы приличные, — сказал Элмер. — Только индейка в дверь не проходит.

Он глядел пресерьёзно. И изо всех сил старался не смеяться.

Морин захлопнула дверь.

— Ну, что будем делать? — спросила Иола.

— У меня есть идея, — сказала Беверли.

33

Все четверо — Беверли, Иола, Элмер и индейка — вернулись в «понтиак». И поехали в «Моречко».

Беверли подошла с заднего крыльца и постучала в дверь кухни. Никто не ответил. Она постучала сильнее, и дверь медленно открылась. Там стояла Дорис.

— Хорошо, — сказала Беверли. — Я надеялась, что вы ещё здесь.

— Я-то как раз надеялась здесь уже не быть, — ответила Дорис. — Но я здесь.

— Можно кое-что положить в холодильник? — спросила Беверли.

Дорис прищурилась:

— Что именно?

— Самую большую в мире индейку, — сказала Беверли.

Иола подошла и встала справа от Беверли, обеими руками сжимая сумочку.

— Привет, — сказала она.

— Вы кто? — спросила Дорис.

— Я Иола Дженкинс. Которая выиграла индейку.

— А это Дорис, — сказала Беверли.

— Очень приятно познакомиться, — сказала Иола.

— Ладно, — сказала Дорис. — Кладите.

В этот момент из-за угла пошатываясь вышел Элмер с индейкой на руках.

— Ого! — сказала Дорис.

— Я же предупредила, что индейка у нас крупная, — сказала Беверли. Дорис уставилась на Элмера и индейку.

— Тяжёлая, — пожаловался Элмер.

— Я уж вижу, — сказала Дорис.

— Пожалуйста, можно положить? — попросил Элмер.

Дорис открыла дверь шире, и Элмер прошёл на кухню «Моречка».

— Неси сюда. — Дорис открыла дверь холодильной камеры, и Элмер, ворча и потея, вошёл с индейкой внутрь.

Беверли оглядела кухню. Чарльз спал на полу, поджав ноги, подушкой служил передник. На голове у него была вечная вязаная шапка.

Элмер вышел из холодильника.

— Спасибо, — сказал он Дорис.

— А я тебя знаю, — сказала она. — Ты в «Zoom-сити» работаешь.

— Да, мэм, — сказал Элмер.

— Я видела: ты раздаёшь детям монетки, чтобы они на этой лошади катались.

— Случается, мэм, — сказал Элмер и посмотрел на Беверли. И отвернулся.

— Я тебя узнала, — кивнула Дорис.

— Мы, безусловно, благодарны, что вы позволили нам воспользоваться здешним холодильником, — сказала Йола. — В Доме ветеранов сказали, что индейка уже разморожена, так что надо в ближайшее время сообразить, как её приготовить.

В кухню вошёл мистер Денби.

— Беверли-Энн? А ты что тут делаешь?

Мистер Денби был в полосатой пижаме.

— Здравствуйте, мистер Денби, — сказала Беверли.

— Кто вы такие? — спросил мистер Денби, оглядев гостей.

Дорис повернулась к Иоле и сказала:

— Вам для этой птицы нужна большая духовка.

— Сама знаю, — ответила Иола. — Я такую упитанную индейку ни разу в жизни не готовила. И меня эта перспектива, честно сказать, немного пугает.

— Хотите, расскажу, что я бы на вашем месте сделала? — Дорис поманила Иолу. — Идите-ка сюда, поговорим.

— Мне кто-нибудь объяснит, что тут происходит? — воззвал мистер Денби.

Чарльз сел. Протёр глаза и поправил шапку.

— Мне снилось что-то хорошее, — пробормотал он, — только не помню что.

— Может, нам приготовить индейку здесь? — сказал Элмер. — Приготовим и устроим большой рождественский ужин.

— Сейчас Рождество? — спросил Чарльз.

— Что ты несёшь? — спросила Дорис.

— В Доме ветеранов сегодня отмечали Рождество, — пояснила Иола.

— Давайте и тут устроим праздник, — сказала Беверли.

— Я люблю рождественскую еду! — подхватила Дорис. — Картофельное пюре и соус.

— И начинку в индейке, — сказал Чарльз.

— И пирог, — добавила Беверли.

И тут Элмер схватил её за руку, прямо перед всеми.

И она руку не отняла.

Свет на кухне был яркий-яркий.

— Я люблю пирог, — сказал Чарльз. — Но ещё нужен фруктовый кекс. Элмер стал раскачивать руку Беверли взад-вперёд.

— Кое-что придётся докупить, у меня тут не всё имеется, — сказала Дорис. — Я составлю список.

— Давай, — сказала Иола, — а мы всё купим.

Мистер Денби заложил руки за голову, на затылок.

— А давайте вы больше не будете бастовать? — предложил он. — Я готов платить тебе больше, Дорис. И тебе тоже, Чарльз.

— И больничный оплачивайте, — сказала Дорис. — И договор подпишите, чтобы всё по закону.

— И больничные оплачу, — сказал мистер Денби. — И договор заключим.

— Сначала, — сказала Дорис, — устроим рождественский ужин, а после можем посидеть, обсудить условия, чтобы всё по справедливости. Как думаешь? — спросила она, поворачиваясь к Иоле. — Мы успеем к четырём?

— Лучше к пяти. Индюк-то здоровенный, будет долго в печке сидеть.

— Решено. В пять, — сказала Дорис. — «Моречко» завтра снова закрыто.

— Ну пожалуйста! — сказал мистер Денби. — Надо открыться, а то прогорим!

— Нет, — отрезала Дорис. — И вообще, мистер Денби! Вы отвечаете за пирог.

— И за кекс, — сказал Чарльз.

— Где я возьму фрукты для кекса в это время года? — Мистер Денби потянул себя за волосы.

— Ничего, придумаете! — сказала Дорис. — Теперь составим большой список.

Она придвинула табуретку к столу. Иола села рядом.

Чарльз лёг обратно и натянул шапку на глаза.

— Но где я возьму фрукты? — тихо повторил мистер Денби.

Никто ему не ответил.

А Беверли и Элмер стояли на большой кухне «Моречка» под ярким светом и по-прежнему держались за руки.

Беверли улыбалась во весь рот.

34

В ту ночь, перед тем как лечь, Иола пришла на террасу и отдала Беверли рисунок Элмера.

— Сгиб этот навсегда, разгладить не получится, — сказала Иола. — Но портрет подарен тебе, девонька. Пусть у тебя хранится.

Беверли уставилась на картину.

— Ты чего? — насторожилась Иола.

— Я действительно так выгляжу? — спросила Беверли.

— Да, милая, — сказала Иола. — Ты действительно красавица. А теперь спрячь. Спокойной ночи.

Беверли приснилось, что она лежит на земле у могилы Дружка — на заднем дворе, под апельсиновыми деревьями. Посмотрев вверх, она увидела, что деревья голые. Ни листьев, ни плодов.

«Теперь-то мы их наверняка срубим, — подумала Беверли. — Теперь от них никакого проку».

Она услышала шелест крыльев и подняла глаза ещё выше. Над мёртвыми апельсиновыми деревьями завис ангел. Крылья у него были коричневые, а не синие.

Ангел парил над деревьями, глядя на Беверли и на могилу.

— Что такое? — спросила Беверли.

Ангел покачал головой. Он то открывал, то закрывал рот. И махал коричневыми крыльями. Почему крылья не синие? У него нет лазурита?

— Что такое? — снова спросила Беверли у ангела.

А потом во сне пошёл снег — большими хлопьями.

Снег кружился и падал — на могилу Дружка, на голые ветви дерева и на коричневые крылья ангела.

Ангел продолжал открывать и закрывать рот.

— Чего ты хочешь? — спросила Беверли.

Но ангел молчал. Вскоре всё — деревья, трава, могила — было покрыто снегом.

— Ты ведь хочешь что-то сказать? — закричала Беверли. — Скажи! Ангел ей улыбнулся.

Мир сиял, залитый светом падающего снега.

Беверли проснулась от запаха кофе и голоса Иолы.

Она надела джинсы, встала и вышла на кухню. За столиком сидел мужчина. В костюме. Волосы зачёсаны назад, туфли начищены до блеска.

— Томми, знакомься, — сказала Иола, — это Беверли.

Мужчина смотрел прямо на Беверли. Она — на него. Оба молчали.

— А ну-ка повежливее оба! — скомандовала Иола. — Чему вас в детстве учили? Томми-младший — мой старший сын, дорогая.

— Привет, — сказала Беверли.

— Ты водишь машину моей матери? — Томми застучал пальцами по столу.

— Да, — ответила Беверли. — Она меня попросила.

— Ты ещё ребёнок, — сказал Томми.

— Морин позвонила Томми и пожаловалась, что мы тут безумствуем, — сказала Иола. — И Томми разволновался. Вот и всё. Он просто волнуется.

— Это верно, — сказал Томми. — Я волнуюсь.

— А волноваться тебе совершенно не о чем, дорогой. Я тебе уже всё объяснила. Вчера вечером мы все ходили на танцы в Дом ветеранов, и я выиграла самую большую в мире индейку. Вот и всё.

— Кто ты? — спросил Томми у Беверли.

— Сынок, я же только что сказала: это Беверли.

— В том-то и проблема, мама, — сказал Томми. — На тебя нельзя положиться. Ты впускаешь в дом чужих людей, они тут живут, ночуют... Ты вообще в здравом уме? Я начинаю сомневаться... — Он снова постучал пальцами по столу.

— Я в очень здравом уме, — сказала Иола. Она словно бы уменьшилась, стала совсем крошечной. — Сынок, у нас сегодня рождественский ужин. Не порть мне праздник.

— Ты себя-то слышишь? Сегодня не Рождество. Сейчас август, мама. Не декабрь.

Томми посмотрел на Беверли.

— Давай-ка проваливай, — сказал он ей.

— Нет, — пискнула Иола.

— Даю вам неделю, — сказал Томми. — Или я заберу машину.

— Так нельзя, — возразила Беверли.

— Ещё как можно. Речь о моей матери. Я её сын. Кто ты такая, чтобы мне указывать? А? Кто ты?

Беверли стояла и молчала.

— Кто ты? — спросил Томми. — А?

Кто она?

Она девочка, у которой раньше была собака. Которую давным-давно держал за руку папа. Которую вчера держал за руку Элмер и с которой он танцевал. Которая дружит с Райми. И с Луизианой — пусть даже Луизиана теперь далеко. Она девочка, которая написала «Мне стыдно» пятьсот раз и ни разу не имела это в виду. Которая написала имя Иолы восемьдесят два раза и каждый раз имела это в виду. Которая вырыла яму и похоронила того, кого любила. Которая знает, что такое *Lapis lazuli*. Знает, что лазурит можно растереть и превратить в крылья.

Она тот человек, который хочет, чтобы всё было иначе. Который хочет всё изменить.

Она промолчала.

— Видишь? — сказал Томми. — Ты никто.

— Замолчи, — сказала Иола. — Не говори ей так.

Томми широко развёл руками:

— Мама, я ведь о тебе забочусь. Вот и всё.

— Я могу сама о себе позаботиться. Твой папа был бы... разочарован в тебе, Томми. Да. Разочарован.

— Только папы давно нет, — ответил Томми. — И все решения на мне.

Когда он ушёл, Иола заплакала. Она сидела за столиком обхватив голову руками и плакала, плакала...

Беве́рли села напротив. И сказала:

— Иола, я ведь не могу жить тут вечно. Так что... Всё в порядке. Мне по барабану.

— А мне нет, — возразила Иола. — Хотя я всегда понимала, что ты уедешь. Рано или поздно. Несмотря ни на что. Но с тобой так хорошо. С тобой весело.

Сон вскочил на стол и сел между ними.

— Ты глупый кот, — сказала Беверли.

Сон замурлыкал.

— Простите меня, — сказала Беверли.

— И ты меня прости, дорогая, — сказала Иола. — А теперь... Не сидеть же нам тут весь день! Не рыдать в три ручья! Достань-ка мою сумочку. Мы собирались за продуктами! Для рождественского ужина.

Они приехали на Маски-маркет и пошли по рядам. Иола толкала тележку. Огни сияли, а кондиционеры, морозильники и холодильники так гудели, что даже заглушали шум океана. Впервые за эти дни она не слышала океана. Купили зелёную фасоль, сладкую и обычную картошку, а ещё сельдерей, банку клюквы, лук и хлеб. И сливочное масло.

— Я, пожалуй, сделаю амброзию, — сказала Иола. — Ты любишь амброзию?

— А что это? — спросила Беверли.

— Ты не знаешь?! — воскликнула Иола. — Тогда я её точно сделаю. И ты сама поймёшь. Принеси мне зефира и апельсинов. И вишни мараскинки, коктейльные. Так... что ещё туда добавить?

Она стояла, держась за тележку, и смотрела в пространство. Её очки помигивали, отражая свет ламп. Она была такая маленькая.

Беверли накрыла ладонь Иолы своей ладонью:

— Я буду к вам в гости приезжать.

— Конечно, детка. Я знаю. — Она заморгала, но продолжала смотреть в никуда. — Ещё понадобится кокос, — наконец сказала она.

— Зефир, апельсины, вишенки и кокос. Так? — сказала Беверли.

Иола снова моргнула.

— Ещё орехи пекан. Да-да, непременно положу орешки. Пусть тебе достанется самая вкусная амброзия на всём белом свете.

— Сейчас принесу, — сказала Беверли. — Я уже верю, что будет вкусно.

— Девонька, да ты все пальчики оближешь! — Иола посмотрела на Беверли и улыбнулась. — Амброзия это... что-то! Вкуснее и слаще не бывает.

35

Они доставили продукты в «Моречко».

Дорис немедленно поставила Чарльза резать всё подряд, а Беверли прошла в кабинет мистера Денби.

Он сидел там — одетый, причёсанный и в галстуке, на котором не было никакой рыбы, — и перебирал бумаги. Маленький вентилятор крутил башкой у его ног.

- Счастливого Рождества, — сказала ему Беверли.
- И тебе.
- Вот возьмите. — Беверли вручила ему рождественскую фотографию его собственной семьи.
- Что это? — Он покосился на фото.
- Это вы. Счастливый вы. Фото в сейфе лежало. Я забрала. Ненадолго. Простите. Вот, возвращаю.
- Мистер Денби уставился на фотографию, словно никогда раньше её не видел.
- Это ж надо, какая Энни тут крошечка, — наконец сказал он. — Гляди-ка, у Маргаритки нет зуба. — Он протянул руку и поочередно коснулся лица каждой девочки.
- А это ваша жена? — спросила Беверли.
- Да. — Он положил фото на стол. И вздохнул.
- Вы тогда ещё жили в Пенсильвании? С ними?
- Да, — сказал мистер Денби. — Всё так. Спасибо, что вернула.
- Мистер Денби... — начала она.
- Из кухни донёсся крик. Голос Иолы.
- Что там опять? — спросил мистер Денби.
- А потом на пороге кабинета появился некто. Человек. В защитной маске, в майке, с бейсбольной битой в руках.
- Это налёт, — сказал человек в маске.
- Какой налёт? — спросил мистер Денби.
- Джером? — догадалась Беверли.
- Что? — Джером повернулся к ней.
- Зачем тебе бита? — спросила Беверли.
- Как зачем? — сказал Джером. — Гоните денежки из сейфа, а не то по кумполу.
- Бейсбольной битой? — уточнила Беверли.

— Так нечестно, — сказал мистер Денби.

— Гоните деньги! — повторил Джером и взмахнул битой. Со свистом.

— Давай сначала успокоимся, — сказал мистер Денби.

— Я спокоен, — сказал Джером. — Я очень спокоен. Гоните деньги. Всё, что есть в сейфе. Вот сюда кладите. — Он протянул бумажный продуктовый пакет.

— У меня три дочки, — сказал мистер Денби. — Я на них трачу, не на себя.

— Это правда. — Дорис стояла в дверях кабинета, скрестив на груди руки.

За ней стояла Иола, а дальше виднелась зелёная вязаная шапка Чарльза.

— Гони деньги! — заорал Джером и саданул бейсбольной битой по оранжевому стулу. Пластиковый стул печально содрогнулся.

— Отдайте ему деньги, мистер Денби, — сказала Беверли.

— Но это нечестно, — сказал мистер Денби.

— Не давайте ему никаких денег, — сказала Дорис.

— Ты чего размахался? — спросил Чарльз.

— Ща кого-то прибью! — крикнул Джером. — Кому-то будет больно.

Мистер Денби повернулся к сейфу, вынул пачки денег и положил в продуктовый пакет, который подставил Джером.

— Это нечестно, — повторял мистер Денби. — Совсем нечестно.

Джером направился к двери.

— С дороги, — сказал он Дорис.

— Нет, — сказала она.

— С дороги! — Он занёс биту над головой.

Иола положила руку на плечо Дорис.

— Отойди, дорогая, — сказала она. — Пропусти его.

Джером вышел за дверь, затем оглянулся на Беверли. И снял маску.

— Не вздумайте звонить в полицию. Не то вернусь в эту вонючую рыбную дыру и всем кости переломаю.

Сказал и ушёл. Беверли услышала, как хлопнула кухонная дверь.

— Позвоните в полицию! — сказала Иола.

— Нет, — сказал мистер Денби.

— Я его догоню, — сказала Беверли.

Чарльз сказал:

— Ты — через главный вход, я — через кухню.

Беверли вышла через парадную дверь и заморгала от яркого солнца. Пикап Джерома стоял на парковке.

Двигатель работал, за рулём сидела Фредди и красила ресницы, глядя в зеркало заднего вида.

Беве́рли подошла, постучала в дверцу. Фредди подпрыгнула от неожиданности.

Беве́рли жестом показала ей, что надо открутить окно.

Фредди оглядела пустую стоянку и медленно опустила стекло.

— Чего тебе? — спросила она.

— Думаю, ты не там ждёшь, — сказала Беве́рли.

Фредди захлопала ресницами.

— Почему?

— Потому что Джером вышел через кухню. С деньгами.

— Точно? — спросила Фредди.

— Точно. — Беве́рли улыбнулась. — Но и туда тебе ехать поздно. Потому что Чарльз, наш переломанный футболист, которого ты ни в грош не ставишь, вышел за Джеромом. И наверняка догнал.

Фредди резко дала задний ход, и пикап скрежеща выехал с парковки.

Беве́рли постояла минуту, всё ещё улыбаясь. Было жарко.

Пахло океаном, жареной рыбой и выхлопными газами. И ещё чем-то смутным, неуловимым. Чем?

Индейкой. Рождеством.

Дорис и Иола, должно быть, успели поставить индейку в духовку.

Беве́рли обошла ресторан. Минувая кухню, она спустилась к воде. И заметила шапку Чарльза — зелёную на синем фоне. Она подошла ближе. Джером лежал на песке лицом вниз. Чарльз сидел на нём верхом и улыбался.

Увидев Беве́рли, он сдёрнул шапку и помахал ей.

— Догнал! — крикнул он. — Я его догнал!

— Хорошо! — крикнула она в ответ.

Она стояла и смотрела на воду и на Чарльза, сидящего верхом на Джероме, и вдруг ей ужасно захотелось увидеть Элмера.

Оставив океан за спиной, она зашагала по шоссе A1A в направлении «Zoom-сити».

Она прошла было мимо телефонной будки, но потом свернула к ней, открыла дверь и оказалась внутри.

36

Один гудок, два, три...

— Алло? — сказала Райми.

Беверли закрыла глаза. Зажмурилась. Она старалась загнать слёзы обратно.

— Алло? — повторила Райми. — Говорите!

Беверли открыла глаза.

— Помнишь, когда Луизиана исчезла? — произнесла она.

— Беверли! — обрадовалась Райми. — Ты где?

— Помнишь, как мы ходили, искали их по всему дому, а там была одна комната с окном нараспашку и штора колыхалась взад-вперёд? От сквозняка... — Она чувствовала, что по щекам катятся слёзы.

— Да, помню, — сказала Райми. — Где ты?

— Так выглядит одиночество, — сказала Беверли.

— Это было ужасно, — согласилась Райми.

— Хуже, чем ужасно. Так было, когда умер Дружок. Так было, когда ушёл мой папа. — Слёзы катились по щекам и падали ей на руки. — Прости. Прости, я тебя не предупредила, уехала. Но я написала тебе письмо.

— Я ничего не получала!

— Просто я его ещё не отправила.

— Я тебя каждый день ищу, — сказала Райми. — И на могилу к Дружку хожу. Как ты уехала, я каждый день туда хожу...

Бeverли всхлипнула.

— Где ты? — снова спросила Райми.

— Может, ты за мной приедешь? — проговорила Бeverли.

Райми умолкла.

В трубке слышался какой-то треск.

— Алло? — окликнула Бeverли.

— Скажи, где ты!

Бeverли сказала.

А потом она повесила трубку, вытерла слёзы и задрала голову, чтобы увидеть нацарапанные на стекле слова.

В скрюченном домишке у скрюченного моря.

Она вышла из будки и пошла к «Zoom-сити». Ещё издали она услышала скрип и скрежет — это качалась-скакала лошадь. Вверх-вниз, вверх-вниз. Бeverли остановилась, замерла. Она просто слушала, как лошадь трудится, чтобы не ускакать никуда. А потом она подошла к магазину и посмотрела на сидевшего на лошади ребёнка. Это был Робби. Мальчик с пляжа. Она строила с ним песочный замок.

— Привет! — Он привстал на стременах и наставил на Бeverли палец. — Ты наврала. Сказала, что вернёшься, и не вернулась. Мы хотели достроить замок, но ты не пришла.

— Сядь, Робби, — велела его мать.

— Подожди, — сказала Бeverли. — Я сейчас.

— Ты врушка! — сказал Робби.

Бeverли открыла дверь «Zoom-сити» и сунула голову внутрь. У прилавка стоял мистер Жаворонг.

Элмер увидел её. Улыбнулся.

— Привет, — сказала она. — Сегодня в «Моречке» был небольшой шурум-бурум, но всё уладилось. Всё уже хорошо. Я просто хотела напомнить, что у нас скоро пир. И вы приходите, мистер Жаворонг! Еды на всех хватит. Мы празднуем Рождество.

— Рождество? — удивился мистер Жаворонг. — Сейчас Рождество?

— Да, — сказала Беверли. — Конечно.

Она вернулась к лошади, к Робби.

— Прости, — сказала она ему. — Прости, что я не пришла достраивать замок.

Она вдруг подумала, что целый день перед кем-нибудь извиняется.

— Ну и не надо, — сказал Робби. — Врушка.

— Не груби, Робби, — велела мать.

— Ты любишь пироги? — спросила его Беверли.

— С чем? — Робби насторожился.

— Думаю, с тыквой. И с яблоками. И, может быть, фруктовый кекс. Приходи ужинать в «Моречко».

— Фу, там же рыба, — сказал Робби. — Я ненавижу рыбу.

— Я тоже. Но сегодня будет не рыба, а индейка. И какая-то сладкая штука, называется «амброзия». В неё зефир кладут. — Она посмотрела на мать Робби. — У нас сегодня вроде рождественского ужина. «Моречко» совсем близко. Заглядывайте... тут два шага... вдруг вы захотите...

Лошадь скрипнула в последний раз и остановилась. Робби не сводил с Беверли глаз.

— Мы ещё увидимся! — сказала она.

И пошла обратно в «Моречко». И подумала, что, если из кустов выскочит миссис Дили, она её тоже пригласит на рождественский ужин. Наверное, она пригласит всех, кого встретит.

Задняя дверь «Моречка» была распахнута и подпёрта куском цемента. На пороге стояла чайка и заглядывала в кухню.

Беверли остановилась рядом с чайкой. И тоже заглянула внутрь.

На кухне трудились Иола, Дорис, мистер Денби и Чарльз.

Первой её — на миг оторвавшись от готовки — заметила Иола. Она сказала:

— Вот и ты. А я всё думаю: куда ты запропастилась? Чарльз поймал грабителя! Поймал и отобрал все деньги.

— Я знаю, я видела, — сказала Беверли. — Чарльз герой. Я пригласила ещё несколько гостей.

— Вот и славно, — сказала Иола. — Для этого оно и есть, Рождество. Беверли вдруг вспомнила, что Райми уже в пути. И Элмер, конечно. Они оба скоро будут здесь.

Её сердце ёкнуло, затрепетало — вот-вот взлетит. Она оглянулась. Солнце освещало море.

Скрюченное море. Моречко.

— Для тебя тоже есть работа, — сказала Дорис. — Заходи, не стой на пороге.

Чайка встrepенулась, расправила крылья и испустила вопль надежды.

— Не ты, — сказала Дорис. — Я не с тобой разговариваю.

Чайка сложила крылья, а Беверли Тапински осторожно её обошла.

И переступила порог.

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

ДиКАМИЛЛО Кейт

БЕВЕРЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Повесть

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*

Художественный редактор *О. В. Клявель*

Технический редактор *С. А. Панкратьева*

Корректоры *Т. С. Дмитриева, Н. М. Соколова*

Вёрстка *Н. А. Козель*

Подписано в печать 15.02.2021.

Формат 84 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,6.

Тираж 5000 экз. D-DL-25091-01-R. Заказ № 516.

Дата изготовления 12.03.2021

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –

обладатель товарного знака Machaon

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

0+

КЕЙТ ДИКАМИЛЛО,

современная американская писательница, давно получила признание как автор детских книг. Они принесли ей всемирную известность и множество наград, в том числе золотую медаль всеамериканской ассоциации «Выбор родителей» и две медали Ньюбери за особый вклад в детскую литературу. Произведения Кейт ДиКамилло переведены более чем на 40 языков.

Российские читатели знают её по таким замечательным книгам, как «Спасибо Уинн-Дикси», «Удивительное путешествие кролика Эдварда», «Приключения мышонка Деспери», «Как слониха упала с неба», «Парящий тигр», «Флора и Одиссей», «Райми Найтингейл – девочка с лампой», «Луизиана находит дом».

БЕВЕРЛИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Четырнадцатилетняя Беверли Тапински уже убегала из дома. Но в этот раз она уходит, чтобы больше не возвращаться – матери нет до неё никакого дела, а любимый пёс Дружок умер. Это книга о взрослении, о трепетной первой любви, о том, как незнакомые люди приходят на помощь в трудной ситуации...

EAC